

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

события, оценки, прогнозы

Выпуск 75(91)
2024

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИНИОН РАН)

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
(ИНИОН РАН)**

**ЕВРОПЕЙСКАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ:
СОБЫТИЯ, ОЦЕНКИ, ПРОГНОЗЫ**

Выпуск 75 (91)

ISSN 2949-6217

Отдел Европы и Америки ИНИОН РАН

Редакционный совет:

Академик В.Г. Барановский

Генерал-майор в отставке В.З. Дворкин

Д-р полит. наук Д.В. Ефременко

Д-р полит. наук А.И. Никитин

Канд. ист. наук А.В. Загорский

Главный редактор – канд. ист. наук Т.Г. Пархалина

Ответственный секретарь – Т.В. Арзаманова

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–2172

СОДЕРЖАНИЕ

Татьяна Пархалина

Формирование нового мирового порядка. Роль Объединенной Европы	4
--	---

Татьяна Арзаманова

«Бремя Трампа» и новая модификация полярности	14
---	----

Олег Каринцев

Дональд Трамп и Европейский союз: реакция европейских партий на результаты выборов в США	25
--	----

Анастасия Понамарева

Ядерная доктрина Российской Федерации 2024 г. Достучаться до небес	37
--	----

Василий Останин-Головня

Палестино-Израильский конфликт после 7 октября 2023 г. и интересы «тяжеловесов» Ближнего Востока	49
--	----

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА. РОЛЬ ОБЪЕДИНЕННОЙ ЕВРОПЫ

Пархалина Т.Г.,
советник директора ИНИОН РАН

Аннотация. В статье анализируются возможные сценарии формирования нового мирового порядка: либо новая биполярность с наличием полицентричности, либо многополярность, которая пока под вопросом. Утверждается, что при любом развитии событий Евросоюз будет оставаться полюсом силы в формирующейся «новой» системе международных отношений. Выявляются факторы подобного положения ЕС, а также необходимость обретения стратегической автономии данным интеграционным комплексом. Исследуется «фактор Трампа» в процессе изменения стратегии Евросоюза и прежде всего в отношении России, США и Китая. Возвращение Трампа совпадает с отсутствием лидерства в ЕС из-за серьезных политических кризисов во Франции и Германии. Возможная «шоковая терапия» Трампа в отношении Европы является серьезным вызовом для Объединенной Европы.

Ключевые слова: новый мировой порядок; новая биполярность; полицентризм; многополярность; стратегическая автономия ЕС; фактор Трампа.

Keywords: new world order; new bi-polarity; polycentrism; strategic autonomy of the EU; Trump factor.

В настоящий момент, который характеризуется серьезными потрясениями и даже обвалом системы глобальной и евро-атлантической безопасности, мировая система находится в процессе транзита от старого мирового порядка (Ялтинско-Потсдамского, а затем не до конца оформившегося после окончания предыдущей холодной войны и биполярной конфронтации СССР – США) к новому, контуры которого будут определены к 2035–2040 гг.

Мировой порядок – это динамика власти, принципов и норм отношений между государствами, международными институтами и другими глобальными игроками. Индикаторами изменений являются: возвышение ряда стран как мощных экономических игроков (пример Китая), возникновение глобальных кризисов (пандемия COVID-19), которые меняют не только состояние экономики, но также судьбы и образ жизни людей, функционирование целых отраслей производства; технологические достижения, такие как ИИ (искусственный интеллект) и машинное обучение; изменение торговых моделей (так, в 2023 г. пятая часть торговли нефтью осуществлялась в недолларовых валютах).

Уже стало очевидным, что мир находится на развилке: либо это будет новая биполярность (США – КНР) с правилами гораздо менее жесткими, чем это было ранее, с наличием полицентричности (центрами силы являются Россия, Индия, Турция, Объединенная Европа – ЕС, Латинская Америка, Африка, Азия – помимо Китая и, вероятно, ряд других), либо многополярность, которая пока под вопросом.

Если системное американско-китайское противостояние перерастет в холодную войну, то наступит двуполярный порядок. Если же другие силы будут в состоянии сохранить свою стратегическую автономию, мир будет оставаться многополярным. И этот «вопрос» связан с наличием ряда факторов, которые определяют претензию любого государства на то, чтобы быть полюсом. Причем следует отметить, что именно совокупность ряда характеристик, а не наличие лишь одной или двух из них, определяет такую возможность. Среди них следующие: высокий уровень экономического и технологического развития; конкурентоспособность в различных сферах; высокий образовательный уровень; военный потенциал (включая ядерный); демографические параметры; способность быстро реагировать на новые вызовы и выстраивать кооперативные отношения с различными игроками; культурная привлекательность.

Все предыдущие мировые порядки (Вестфальский, Версальский, Ялтинско-Потсдамский) были результатами мировых войн. Скорее всего, следующий «новый» мировой порядок станет результатом не глобальной войны (как, например, Вторая мировая), но серии региональных конфликтов высокой интенсивности, которые уже идут (Восточная Европа, Ближний Восток, Южный Кавказ, который только завершился) или могут вспыхнуть в ближайшее время (Южно-Китайское море, Латинская Америка, Африка). При этом уже обозначились коалиции держав – это так называемый коллективный Запад (Евро-Атлантика, Япония, Израиль, Южная Корея, Австралия), с одной стороны, и такие страны, как Россия, Китай, Иран, КНДР, – с другой.

Так называемый Глобальный Юг будет колебаться между этими двумя коалициями и мигрировать в зависимости от успехов каждой из них. Это ярким образом продемонстрировал саммит БРИКС в Казани в октябре 2024 г., в ходе которого страны-участницы, с одной стороны, выказали интерес к поискам альтернативы уходящему, но пока еще существующему порядку глобального управления, а с другой – совсем не были готовы к оформлению некоего альянса с «антизападной» направленностью, а также к созданию альтернативной финансовой системы (а это ключевой момент)¹.

На настоящий момент по-прежнему существует три центра гравитации в экономической сфере (США, Китай, Евросоюз). Можно предположить, что как государства Евразии, так и «Глобального Юга» заинтересованы в выстраивании наиболее тесных отношений именно с ними, при этом они не столько думают о многополярности, сколько о выживании в условиях обрушающегося миропорядка и выстраивании отношений не столько с крупными игроками, но и между собой. Вне зависимости от региона, эти отношения характеризуются

¹ См.: <http://www.Kremlin.ru/files> XVI Саммит БРИКС Казанская декларация, 23 окт. 2024 г.

как определенной степени конкуренции, так и взаимодополняемостью, сотрудничеством и взаимодействием.

Итак, понятно, что при любом развитии событий существует вероятность того, что Евросоюз будет оставаться полюсом силы в формирующейся на наших глазах следующей «новой» системе международных отношений. Определяется это следующими факторами: 1) привлекательностью не только для жителей Европы, но и для других регионов мира модели экономического и политического развития, основанной на четырех свободах – общий рынок, свободное передвижение людей, товаров, капиталов, идей; 2) на социальном партнерстве; 3) на трехъярусном управлении – наднациональном, национальном и региональном уровнях; 4) на способности поиска ответов (иногда не быстром) на новые вызовы и риски. И это в ситуации, когда, как указывает ряд исследователей и политиков, к «Европе утрачивается доверие», но не потому, что люди разочаровываются в европейских ценностях, а в их практической реализации. В странах по обе стороны Атлантики и в России на протяжении последних 20 лет неоднократно высказывались прогнозы по поводу кризиса и даже развала ЕС. Но этого не происходит – пока мы наблюдаем обратную тенденцию, все большее число европейских стран хотели бы быть интегрированными в Евросоюз: Молдова, Украина, Грузия, государства Западных Балкан.

При растущей тенденции к отказу от доллара во взаимных расчетах, экономической устойчивости Китая, при открытии новых рынков в результате геополитической турбулентности по всему миру, при создании новых альянсов – а это все черты меняющегося миропорядка – Объединенная Европа пытается извлечь дивиденды из этих изменений. Главная ее цель – реконфигурация своих отношений с рядом регионов мира: Азией, БРИКС, Китаем, Ближним Востоком.

Учитывая стремительное развитие азиатского региона, его роль на мировой сцене, сосредоточение там большей части мировых внешнеторговых резервов, количество населения (60% от населения планеты), в ЕС понимают, что ключевыми факторами отношений с Азией являются торговое и инвестиционное сотрудничество, ведущие к экономической независимости.

Учитывая подъем стран БРИКС и БРИКС+, Евросоюз стремится укреплять отношения с Индией, Китаем, Южной Африкой, Бразилией. С Россией отношения в данный момент (декабрь 2024 г.) находятся на низшей точке развития или замерзания из-за СВО РФ в Украине. Однако уже проявляются признаки заинтересованности восстановления этих отношений в экономической сфере.

Что касается остальных, то в Брюсселе понимают, что сотрудничество с партнерами из Персидского залива может укрепить энергетический рынок, сотрудничество с африканскими

странами может открыть путь к богатым минеральным ресурсам региона, сотрудничество с Индией поможет сбалансировать влияние Китая.

Отношения между ЕС и Китаем характеризуются взаимным недоверием. В октябре 2023 г. министр иностранных дел КНР Ван И заявил следующее: «Китай надеется, что Евросоюз займет более прагматичную и рациональную позицию в отношениях с КНР»¹. Если Евросоюзу удастся занять более прагматичную позицию, он сможет уравновесить влияние КНР в геополитике, технологической и экономической сферах.

Имея в виду меняющиеся тенденции в регионе Ближнего Востока и растущее влияние Китая, Объединенная Европа вынуждена учитывать трудности, связанные с проникновением на рынки Персидского залива. Будучи важным торговым партнером Египта, Турции, Иордании, ЕС пытается работать над климатическим и технологическим партнерством, чтобы обеспечить энергоэффективность. Для обеспечения собственных энергетических потребностей ЕС стремится развивать связи с государствами региона.

Можно предположить, что это направление станет одним из главных в определении внешнеэкономических приоритетов, а это поможет Евросоюзу выдержать удар, связанный с изменением мирового порядка.

Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш на саммите ООН – ЕС, который проходил в Брюсселе в июле 2023 г., заявил: «Европейский союз должен стать важнейшей основой нового мирового порядка, основанного на принципах многополярности и многостороннего сотрудничества и опирающегося на международное право»².

Многое зависит от того, как сам Евросоюз будет определять свое место в меняющемся мире. Скорее всего, речь пойдет о большей стратегической и политической автономии от его главного стратегического союзника и одновременно конкурента – США. Но также и о том, как отдельные государства-участники будут определять и координировать свои национальные интересы как в рамках интеграционного комплекса, так и за его пределами. В этом смысле примеры Венгрии и Словакии не случайны и свидетельствуют, что в определенном смысле интеграция достигла того уровня, когда не во всех случаях интересы самого интеграционного комплекса воспринимаются всеми его участниками, как соответствующие их национальным интересам. По существу, в ходе конфликта в Восточной Европе (на территории Украины), на первом этапе которого была проявлена полная солидарность и поддержка Украине, а в дальнейшем стала проявляться разная трактовка странами-участниками (Венгрия, Словакия, Польша и даже Германия) их национальных интересов, выявилась вероятность

¹ Цит. по: <http://www.investing.com>. October 30, 2023.

² <http://www.un.org.news>. July 13, 2023.

будущих изменений внешней политики Евросоюза, в котором растет осознание необходимости этих изменений именно в связи с трансформацией мирового порядка и выстраивания отношений с основными глобальными игроками.

В европейских столицах подавляющее большинство представителей всего идеологического спектра пытается повысить ставки в соперничестве с Россией и Китаем, но глобальная реакция на российскую СВО в Украине показывает, что остальные страны не заинтересованы в соперничестве / конфронтации между «демократиями» и «автократиями». В ней проявилась не столько симпатия к России и Китаю, сколько разочарование в политике США на мировой сцене.

Страны ЕС начинают понимать, что для укрепления своих позиций в будущей системе, в рамках «нового» миропорядка, интеграционному комплексу в целом и отдельным его странам необходимо укрепление сотрудничества с такими государствами, как Турция, монархии Персидского залива, страны Юго-Восточной Азии, т.е. «недемократическими» режимами.

Не ожидая того, Россия на первом этапе СВО в Украине укрепила единство Запада, но смещение глобального баланса сил в Юго-Восточную Азию далеко не завершено. В лице Китая США столкнулись с достойным соперником, но Москва, Дели и Брюссель также стремятся стать центрами силы и власти в будущем мироустройстве. В Брюсселе уже понимают, что именно «стратегическая автономия» будет тем ключом, который откроет для ЕС дверь в новый мир, где он хочет занять место, соответствующее экономическому потенциалу Объединенной Европы¹.

Победа Трампа на президентских выборах в США 5 ноября 2024 г. неизбежно означает, что политика Вашингтона в отношении европейских союзников будет по меньшей степени скорректирована, а по большей степени – изменена. Именно поэтому, а также вследствие вышеозначенных причин стратегия ЕС будет меняться. На саммите Европейского политического сообщества (ЕПС), который проходил в Будапеште 6 ноября 2024 г., т.е. на следующий день после американских выборов союзник Трампа В. Орбан уже говорил о необходимости изменения стратегии Евросоюза. Но Орбан имел в виду лишь изменение стратегии в отношении Украины, а президент Франции Э. Макрон призвал страны Европы проявлять большую самостоятельность в делах обороны и не отдавать ее на «аутсорсинг» США².

При этом как Макрон, так и другие европейские лидеры в нынешний переломный момент призывают страны ЕС сохранить единство по ключевым вопросам, выражая надежду на

¹ Mark Saxer7 a/ipg-journal.io miz 25.07.2022. (date of access: 24.12.2022).

² <http://www.ria.ru> 6 ноября 2024. (дата обращения: 12.12.2024).

продолжение и укрепление сотрудничества между ЕС и США при Трампе. А это как раз и находится под большим вопросом.

Показательно, что ни представители Еврокомиссии, ни генсек НАТО в своих поздравлениях Трампу не упомянули Украину в качестве сферы для продолжения сотрудничества между США и ЕС, хотя ранее говорили о своей решимости продолжать помощь Украине в случае, если США ее сократят или вовсе приостановят. При том что президент Франции в своем телефонном разговоре с Трампом по случаю его избрания призвал его «считаться с ЕС»¹.

После этого он созвонился с канцлером ФРГ О. Шольцем и по итогам разговора заявил, что Франция и Германия будут работать над созданием «более суверенной Европы»².

Германия рассматривается Трампом в качестве нежелательного конкурента в глобальной экономике, поэтому нельзя исключить повышение налогов на ввоз продукции из ФРГ до 20%, что будет настоящим ударом для немецкой экономики, которая и так не демонстрирует тенденций к росту. Скорее всего, Трамп сделает ставку на союз с правыми политиками ЕС (с такими, как Дж Мелони, В. Орбан и «Альтернатива для Германии»). Трамп будет работать над тем, чтобы подчинить США энергетический рынок Европы, он не собирается обострять отношения с РФ, поскольку Вашингтон готовится к длительному конфликту с Китаем и Ираном.

Поскольку альянс великих держав может обеспечить относительную стабильность в меняющемся мире на переходный период, а новая холодная война может частично заблокировать основанную на правилах многостороннюю систему (при частичном сохранении сотрудничества), нельзя исключить, что США при Трампе возьмут курс именно на договоренности с другими великими державами (Россией и Китаем).

В Евросоюзе еще летом 2024 г. неоднократно повторяли, что любые контакты с руководством России исключены. Но если в переговоры вступит президент США, то это может поменять и позиции руководства стран – участниц ЕС. Евросоюзу придется разморозить политические контакты с Кремлем в особенности потому, что Трамп, как сообщается, пока намерен включить в мирные переговоры увеличение обязательств Европы по поддержке Украины.

Государства – члены ЕС не смогут просто наблюдать, как за их спиной идут переговоры между Вашингтоном и Москвой. Ни Франция, ни Германия (переживающие в настоящий момент острейшие политические кризисы), ни Италия, ни Дания и Нидерланды не могут позволить себе самоизолироваться от процесса, который будет определять будущее Европейского континента.

¹ <http://www.rbc.ru> 6 ноября 2024. (дата обращения: 12.12.2024).

² Там же.

В европейских столицах подавляющее большинство представителей политического класса стремятся повысить ставки в сотрудничестве с Россией и Китаем, но реакция всего остального мира на российскую СВО в Украине показывает, что этот «остальной мир» мало заинтересован в конфронтации между Западом и Россией (а также Китаем).

Европейскому союзу, основанному на верховенстве закона и постоянном согласовании интересов, может быть очень трудно развиваться в этом меняющемся мире, если только он не добьется «стратегической автономии», а это можно сделать только в ходе реформирования системы принятия решений по ключевым вопросам безопасности и развития. Но и здесь содержится ловушка – поскольку подобное решение может приниматься только консенсусом.

Из всего этого следует, что рано или поздно Евросоюзу придется вернуться за стол переговоров с Россией, придется разрабатывать новую стратегию отношений с США, РФ и Китаем, придется реагировать более быстро на изменения на глобальном уровне.

Победа Трампа и республиканцев в Конгрессе США уже дала недвусмысленный сигнал о переходе Вашингтона к протекционистской политике с введением новых тарифов – прежде всего это коснется Китая, но и ЕС; в условиях жесткой конкуренции Евросоюзу, возможно, придется размораживать экономические отношения с Россией. По данным Евростата, в настоящий момент экспорт и импорт ЕС в торговле с Россией колеблется вокруг 1%¹. Европейский экспорт в РФ сократился за последние два года на 59%, а импорт – на 87%.

Когда начнется переформатирование глобальной экономики в направлении приобретения Соединенными Штатами более технологичной и конкурентной формы, тогда странам Евросоюза неизбежно придется адаптировать свои экономики к еще более конкурентной среде, а для этого нужны дешевые ресурсы.

В условиях, когда Евросоюз рассматривает США в качестве союзника, менее надежного, чем десятилетие назад, и когда он готовится к экономическим баталиям с Вашингтоном, особенно в случае если Трамп реализует свои обещания повысить импортные пошлины (в ответ ЕС планирует ввести ответные пошлины на американские товары, произведенные в округах, контролируемых республиканцами), Объединенной Европе придется работать над тем, чтобы вернуть свое единство. Торговая война, которую, по всей видимости, объявит Трамп в отношении ЕС, вынудит провести пересмотр фискальной политики Евросоюза в сторону увеличения расходов и привлечения инвестиций, но также и в сторону увеличения расходов в области безопасности и обороны².

¹ <http://www.ec.europa.eu/eurostat>, Eu-Russia trade. February 2024. (date of access: 24.12.2022).

² Цит. по: <http://www.iz.ru>. 5 ноября 2024. (дата обращения: 12.12.2024).

Борьба за лидерство в ЕС между Францией и Германией, а также экономические показатели многих стран Евросоюза свидетельствуют об ослаблении роли Объединенной Европы в момент, когда она нуждается в большем единстве, подталкивая ее к разработке новой стратегии: в особенности по отношению к России, Китаю и США. Объединенной Европе следует ожидать роста тарифов, увеличения уровня санкций и давления с целью разрыва отношений с Китаем. А с учетом роста непредсказуемости, роста давления на союзников и торговой напряженности с Китаем, Евросоюзу предстоит нелегкая задача не только сохранения, но и укрепления своих позиций в мировом раскладе сил.

В ЕС допускают, что, придя во второй раз в Белый Дом, Д. Трамп изменит не только курс в отношении Украины, но и в отношении Европы (ЕС) в целом. Ближайшие союзники Вашингтона даже готовятся к ослаблению трансатлантических связей и к торговым войнам. Впервые в истории после создания НАТО в 1949 г. в европейских столицах ведутся разговоры о «защите от США» в сфере безопасности.

В годы первого президентства Трамп ввел пошлины на европейскую сталь и алюминий. Во время своей предвыборной кампании он декларировал планы введения дополнительных ограничений и самые значительные повышения пошлин почти за столетие. Чиновники Евросоюза уже составили перечень пошлин, которые ЕС может ввести в ответ, готовы предложить Трампу сотрудничество против Китая и увеличение импорта из США¹.

Что касается военной сферы, то ЕС уже нарастил оборонные расходы до самого высокого уровня после окончания холодной войны, однако в Брюсселе понимают, что потеря поддержки США в этой сфере нанесет ощутимый удар по Евросоюзу. При этом о выходе США из НАТО речь не идет.

Возвращение Трампа совпадает с отсутствием лидерства в Евросоюзе после распада правительственной коалиции в Германии и острейшего правительственного кризиса во Франции.

«Шоковая терапия» Трампа (возможные торговые войны, сокращение военной поддержки Украины и изменение архитектуры евро-атлантической безопасности), вне всякого сомнения, является вызовом для Объединенной Европы.

Если Трамп выполнит свои предвыборные обещания о введении универсальных 20%-х тарифов на все товары, в том числе европейские, это будет означать начало длительных и не очень приятных переговоров с Вашингтоном по поводу правил торговли между ЕС и США. Реализация обещаний по поводу снижения помощи Украине будет означать, что основное бремя помощи Киеву ляжет на плечи европейских союзников.

¹:<http://www.rbc.ru>politics>. 3 ноября 2024 (дата обращения: 12.12.2024).

Пока можно утверждать, что сценарий возвращения к протекционизму не обязателен, но весьма вероятен, и Европа готовится к нему уже на протяжении нескольких месяцев. Европейские политики понимают, что смогут найти ответ на этот вызов через определенный набор контрмер.

Одним из следствий победы Трампа можно считать интенсификацию переговоров между Британией и ЕС о нивелировании последствий брекзита и восстановлении политической и экономической интеграции, хотя об институциональном возврате речь, безусловно, не идет.

Пока лидеры Евросоюза надеются на успешность переговорных форматов, но в то же время понимают, что дело может дойти и до торговых войн. В этом контексте определенную роль будет играть фактор Китая.

В первую каденцию Трампа ЕС продемонстрировал, что может сыграть на стороне США и присоединиться к американским торговым ограничениям. Однако ситуация с тех пор изменилась, и Евросоюз понимает значимость торговых отношений с КНР для своего будущего успешного развития.

Еще серьезнее ситуация складывается в области безопасности и обороны. Со времен создания НАТО и ЕС европейцы традиционно полагались на американскую поддержку, причем степень интеграции США в оборону Европы настолько велика, что переформатирование всей системы крайне затруднительно и затратно.

Уже с приходом Трампа в Белый дом в 2017 г. руководители Евросоюза стали понимать, что происходит переориентация Вашингтона с Европы на Юго-Восточную Азию и Индо-Тихоокеанский регион. Об этом свидетельствовало создание ряда военно-политических союзов, таких как QUAD-2007 г. (США, Япония, Австралия, Индия), AUKUS-2021 г. (США, Великобритания, Австралия), JAROKUS-2023 г. (США, Япония, Южная Корея). То есть Европа (с союзом НАТО) перестает находиться в центре американского внимания, и этот процесс происходил бы вне зависимости от того, кто бы занял Белый дом – республиканцы или демократы.

Именно с 2017 г. лидеры стран Евросоюза (прежде всего президент Франции Макрон) стали постоянно говорить о «стратегической автономии» и о построении коллективной европейской обороны. Повторилась эта ситуация и при Дж. Байдене, когда растущее соперничество с Китаем, особенно вокруг Тайваня, свидетельствовало о том, что фокус интересов Вашингтона сместился с Европы на Азию.

Но до сих пор разговоры о создании некоей европейской коллективной обороны оканчивались лишь тем, что ряд новых терминов был введен в политический нарратив лидеров ЕС, хотя умеренный экономический рост позволял постепенно наращивать инвестиции в

оборонный сектор, не сильно увеличивая его долю в ВВП отдельных стран (здесь не имеется в виду увеличение роста доли ВВП в 2% в бюджет НАТО).

Можно предположить, что возвращение Трампа будет тем триггером, который подтолкнет ЕС к реализации некогда декларированных проектов. Так, в преддверии выборов в США в Еврокомиссии стала обсуждаться идея о реформировании инвестиций в оборонный сектор, в том числе в оборонное производство. Предполагалось увеличить долю совместного производства вооружений до 40% к 2030 г. и нарастить объем внутриевропейской торговли оружием. Обсуждается и увеличение размеров войск в странах ЕС (что может подразумевать и введение призыва там, где его нет, и рост числа контрактников).

Изменение позиции США при Трампе по вопросам евро-атлантической безопасности может подтолкнуть страны – участницы ЕС к ослаблению, а возможно, и к избавлению от той стратегической связки с США, на которую они полагались весь период после окончания второй мировой и холодной войн и выстроить тот стратегический суверенитет, о котором они говорят на протяжении нескольких десятилетий.

Первые признаки этого появились. Так, в ноябре 2024 г., уже после победы Трампа, Еврокомиссия приняла решение о переводе части средств из так называемого «фонда соучастия» в оборонный фонд ЕС¹. Глава МИД Польши Р. Сикорский заявил 19 ноября 2024 г., что после обсуждения состояния дел в оборонной сфере в Еврокомиссии крупнейшие государства Евросоюза готовы взять на себя «тяжесть военной и финансовой помощи Украине в контексте возможного ограничения вовлеченности США»².

При реализации каждого из двух сценариев формирования нового мирового порядка ЕС, имея в виду его экономический потенциал, будет оставаться центром притяжения для многих, и не только европейских акторов. Однако сможет ли он стать полюсом или центром силы, зависит от того, удастся ли этому интеграционному комплексу привести свой политический вес в соответствие с экономическими возможностями. А это возможно только в случае реализации концепции «стратегической автономии» прежде всего от своего основного союзника (США).

¹ Независимая газета. 2024. 12 ноября (дата обращения: 12.12.2024).

² Цит. по: Regnum.ru. 2024. 19 ноября (дата обращения: 12.12.2024).

«БРЕМЯ ТРАМПА» И НОВАЯ МОДИФИКАЦИЯ ПОЛЯРНОСТИ

Татьяна Арзаманова,
ведущий редактор, Отдел Европы и Америки ИНИОН РАН

Аннотация. В статье анализируется актуальный геостратегический контекст с упором на детерминирующее влияние «информационно-коммуникационной среды», сложившийся на момент прихода в Белый дом избранного 47-го президента США Д. Трампа, который не только станет обременением его второго президентского срока, но и неизбежно повлияет на новую конкурентную модификацию полярности. С точки зрения автора, речь идет о глобальном кризисе доверия, кризисе лидерства и легитимности международных институтов; дипломатии силы («мир через силу»); размывании «красных линий» в геополитике; усилении региональных игроков и сокращении возможностей внешних сил; влиянии технологической повестки и рисках информационного общества; феномене медийности в международных отношениях; информационном пространстве как размытым квазиполусе эпохи медиацентричного общества. Также в статье делается прогноз о возможных контурах формирования полярности (миропорядка) в кратко- и среднесрочном коридоре развития.

Ключевые слова: миропорядок; модификация полярности; доминирующие центры силы; господствующая конфронтация; «красные линии»; «мир через силу»; техноповестка; риски информационного общества; социальные платформы; информационное пространство как размытый квазиполус; гонка общего искусственного интеллекта; США; Китай; Европа; европейская безопасность; Д. Трамп; И. Маск; Дж.Д. Вэнс; Республиканская партия.

Keywords: World order; polarity modification; dominant centers of power; dominant confrontation; “red line”; “peace through strength”; techno-agenda; risks of the information society; social platform; information space as fuzzy quasi-pole; AGI race; USA; China; Europe; European security; D. Trump; I. Musk; J.D. Vance; Republican Party.

*«Не умеешь нести бремя невзгод –
усугубляешь их тяжесть»*
Бальтасар Грасиан

В последние недели 2024 г. словосочетания «эскалация насилия», «лестница эскалации», «воронка напряженности» и им подобные буквально заполонили информационное пространство. Общая динамика процессов в международных отношениях набрала практически лавинообразную скорость, результатом чего уже стало обвальное изменение геостратегического контекста. Своего рода окно возможностей, открывшееся в связи с всеобщим ожиданием вступления в должность избранного президента США Дональда Трампа в январе 2025 г. и с отсутствием четкого понимания в мировых столицах, каких конкретно шагов от нового главы Белого дома можно ожидать в ближайшем будущем, и какие именно сценарии мирного урегулирования из пула курсирующих в мировых массмедиа предположений будут в действительности задействованы новой американской администрацией для тушения узловых геополитических конфликтов, катализировало попытки мировых акторов улучшить собственное стратегическое положение и набрать козыри для предстоящей «большой игры». В целом же можно говорить о том, что уходящий 2024 год сыграл на усиление одних круп-

ных игроков и ослабление других, и еще более выпукло выявил тенденцию, о которой мы уже упоминали ранее¹ – аугментацию² региональных игроков и ослабление позиций внешних сил в регионах конфликтов.

Можно также констатировать очень высокий уровень тревожности в мире на уровне массового сознания и растущий эгоизм в международных отношениях: общими рамочными условиями резко возросшей конкуренции национальных интересов и роста конфликтности при этом является обострение информационного противостояния с широким использованием так называемых фейковых новостей (fake news – англ.), технологий информационных войн, инструментализации и политизации политики памяти и т.д. Более того, именно усиливающееся информационное противостояние и последствия глобальной цифровизации в целом становятся контекстными рамками транзитной фазы определения будущей конфигурации миропорядка: глобальная цифровая революция и нарастающая цифровизация повседневности уже не просто влияют на мировую политику, они становятся частью таковой. Разворачивается противостояние крупных мировых игроков за право преимущественного пользования плодами технологической революции и установления новых правил игры «для всех» в сфере высоких технологий и широкого внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в повседневную жизнь.

В этой связи представляется, что одним из наиболее серьезных рисков нынешней медиацентричной стадии развития информационного общества, который, хотя и выглядит пока узкоотраслевым, однако, на наш взгляд, уже в краткосрочной перспективе будет носить системный характер, становится как раз проблема повсеместного внедрения в повседневную жизнь информационных технологий с использованием технологии искусственного интеллекта (ИИ). Помимо целого ряда проблем, включая этические, связанные с использованием некорректных алгоритмов обучения нейросетей и / или некорректных / заведомо ложных данных, на данном этапе развития IT технологий так и нерешенным остается вопрос наличия своеобразной цензуры со стороны ИИ, поскольку фактически искусственный интеллект предлагает пользователям одну-единственную точку зрения. Кроме того, пока в распоряжении как специалистов, так и рядовых пользователей отсутствует адекватный инструментарий, позволяющий качественно верифицировать информацию, генерируемую технологией ИИ. Очевидно, что по мере расширения присутствия искусственного интеллекта в повседневной жизни, означенные риски будут значительно возрастать.

¹ Арзаманова Т.В. Восходящие тренды мирового развития и их влияние на глобальный эффект «геополитического саспенса»// Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 71 (87) 2023. – С. 15–26. – URL: http://inion.ru/site/assets/files/4256/bezop_71_87_s_obl.pdf (дата обращения: 20.01.2024).

² Усиление.

Особенно важным этот момент выглядит с учетом того, что широкое внедрение искусственного интеллекта может рассматриваться в качестве катализатора трансформации в том числе и политической реальности с точки зрения оказания влияния на общественное мнение, формирования новых общезначимых смыслов и создания новых идентичностей в рамках определения нового нормативно-институционально-ценностного конструкта международных отношений, поскольку политические коммуникации невозможны сегодня вне контекста медийной среды. Именно медиа являются инструментом конструирования политической реальности для общества и индивида ввиду невозможности непосредственного участия во многих политических событиях и процессах: человечество контактирует с политической сферой посредством распространяемой медиа информации, имея при этом дело не с объективной реальностью, а с так называемой медиапрезентацией последней (эти два понятия никогда не бывают полностью тождественными). Таким образом, равно как преимущественное доминирование в глобальном информационном пространстве может рассматриваться как один из наиболее эффективных элементов властного ресурса в условиях медиацентричного общества, так и *активное продвижение (а скорее даже продавливание) своих принципов регулирования в процессе широкомасштабного внедрения ИИ технологий становятся серьезным активом в процессе конкурентной модификации полюсов силы и последующей артикуляции основ нового миропорядка.*

Именно поэтому ИИ находится в фокусе внимания государств: очевидно, что миру уже в кратко- и среднесрочном коридоре развития предстоит гонка генеративного искусственного интеллекта, и залогом успеха в этой гонке будет являться, на наш взгляд, прежде всего качественное (а не количественное) развитие нейросетей. В свою очередь, подобная гонка за разработкой прорывных технологий в области ИИ в направлении создания общего искусственного интеллекта (AGI) неизбежно влечет за собой новые риски, в том числе риск роста дезинформации в глобальном информационном пространстве; скачкообразный рост безработицы и т.д. Таким образом, первое государство, которому удастся пройти это бутылочное горлышко, получит колоссальные преимущества, поскольку технологии ИИ обладают в том числе и потенциальной возможностью воздействия на общественное мнение для формирования определенных представлений о той или иной «правильной» конфигурации будущего миропорядка.

С точки зрения рисков медиацентричного общества крайне важной переменной видится влияние медиаплатформ и их создателей на общество в целом и на каждого индивида в отдельности: существует риск возникновения постепенной зависимости последних от цифровых платформ и, соответственно, их «прародителей». Появление визионера Илона Маска

(который, безусловно, по праву может считаться одним из «демиургов» триумфального возвращения Д. Трампа в Белый дом), основателя крупнейшей дебетовой платежной системы Pay Pal Питера Тия, главы хедж-фонда Pershing Square Била Акмана, венчурного предпринимателя Дэвида Сакса и других капитанов бигтеха в ближайшем окружении избранного президента США вновь выталкивает на политическую авансцену роль высоких технологий и IT-инноваций. На данном этапе технологическая и IT-отрасль безусловно заинтересованы в отходе Белого дома от прежней агрессивной политики антимонопольных ограничений, проводимой администрацией Дж. Байдена, нацеленной на сокращение влияния социальных сетей с помощью госрегулирования, жесткий контроль за алгоритмами и защиту данных. Факты говорят сами за себя: за время пребывания Дж. Байдена в статусе хозяина Овального кабинета в США значительно снизился объем технологических сделок – с 1,5 трлн долл. (2021) до 465 млрд долл. (2024). Разница в цифрах впечатляет. Какие-то сделки, слияния и поглощения в технологической индустрии вовсе не состоялись, какие-то были отложены что называется до лучших времен. Очевидно, представители бигтеха рассчитывают с приходом в Белый дом Д. Трампа, изменившего свой подход к регулированию технологической сферы (точнее, несколько смягчившему его) не только на снижение налогового бремени, но и на дерегулирование деятельности крупных социальных платформ под формальной (и очень удобной с операционной точки зрения) вывеской сохранения одного из декларируемых столпов американской демократии – защиты свободы слова в условиях бурного расцвета в США культуры отмены, наблюдающегося в последние годы. Избранный 47-й президент США объясняет изменение своей позиции в этом отношении опасениями, что жесткое госрегулирование IT-отрасли и рынка криптовалют может негативно сказаться на возможностях Соединенных Штатов конкурировать в технологической сфере.

Если администрацией Д. Трампа все-таки будет принято решение о смягчении антимонопольной политики в отношении бигтеха, в наибольшем выигрыше от ослабления госрегулирования и жестких антимонопольных ограничений окажутся такие быстрорастущие сферы, как разработка технологии искусственного интеллекта (ИИ) и цифровые финансы. Недаром рынок криптовалют уже бурно отреагировал на результаты президентских выборов в США на фоне июльских (2024) обещаний Д. Трампа превратить Соединенные Штаты в «криптостолицу планеты», а биткоин сделать «суперсилой мира»: курс биткоина за первые две недели после объявления результатов вырос на 40%, достигнув рекордных значений – до 98 тыс. долл. за токен¹.

¹ Шатов Е. Новое золото: как обещания Трампа влияют на криптоиндустрию // Forbes. Финансы. 02.12.2024.

Что касается общей геополитической ситуации, которая станет неизбежным обременением четырехлетнего срока пребывания Д. Трампа в Белом доме, то в целом представляется, что на данный момент просматривается определенный набор своего рода «катализаторов» глобальной дуги нестабильности в кратко- и среднесрочной перспективе. Во-первых, сам факт возвращения Д. Трампа в Белый дом можно рассматривать как катализатор изменения общественного мнения в мире. Избранный 47-й президент США – абсолютно внесистемный игрок, который, несмотря на прошлые четыре года в статусе хозяина Овального кабинета, по сути так и не сменил психотип крупного бизнесмена и биржевого игрока, буквально «одержимого» идеей сделки, для которого никогда не работает принцип win-win (победитель может быть априори только один) на психотип политика, для которого искусство компромисса – основа политического выживания. Его сильная (равно и одновременно слабая) сторона – его непредсказуемость, готовность нарушать установленные правила игры (те, что еще остались в международных отношениях) и продавливать любые сделки до того момента, пока США не окажутся главным бенефициаром ситуации. Однако все это в совокупности еще в большей степени усугубляет ситуацию осыпания нормативно-ценностной матрицы, которую продолжает затягивать (в последнее время уже с бешеной скоростью) в воронку глобальной неопределенности.

Во-вторых, это актуальный статус ситуации с так называемыми красными линиями в геополитике. Ранее мы уже писали¹ о размывании «красных линий»: по сути, на сегодняшний день мировая дипломатия превратилась в бесконечное жонглирование этими самыми «красными линиями» и попытки продавливания силой своих условий. Новомодный термин международных отношений «мир через силу» идеально вписывается в сложившуюся картину. Между тем очевидно, что в подобной ситуации, когда принципы классической дипломатии уже абсолютно не работают, высок риск непреднамеренного скатывания любого из действующих крупных «горячих» конфликтов или напряженности в таких сложных регионах мира с точки зрения генерирования рисков и вызовов безопасности, как Индо-Тихоокеанский или Ближний Восток, в пропасть неконтролируемой эскалации.

В-третьих, можно говорить о происходящей рутинизации конфликтов в глобальном масштабе путем адаптации массового сознания к скачкообразной эскалации насилия в мире. Обратной стороной этого феномена является наблюдающийся повсеместно эффект устало-

¹ См.: Арзаманова Т.В. Ревизия мировой системы: от геополитики нефти и газа к «геополитике чипов» // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2022. Вып. 67 (83). С. 8–17. URL: <http://inon.ru/ru/publishing/prochie-nauchnye-zhurnaly/evropeiskaia-bezopasnost/> (дата обращения: 10.03.2023); Арзаманова Т.В. Восходящие тренды мирового развития и их влияние на глобальный эффект «геополитического саспенса» // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 71 (87) 2023. – С. 15–26. – URL: http://inon.ru/site/assets/files/4256/bezop_71_87_s_obl.pdf (дата обращения: 20.01.2024).

сти от конфликтов, в том числе информационной. Обе эти переменные неизбежно влияют (порой весьма значительно) на динамику процессов в международных отношениях.

В-четвертых, представляется, что усугубляющими неопределенность, рост конфликтности и ситуацию глобальной разобщенности катализаторами безусловно являются глобальный кризис лидерства, утрата авторитета и фактической дееспособности, а также огромные репутационные потери основных международных институтов, являвшихся некогда опорными конструктами нормативно-институциональной матрицы международных отношений. В этой связи, с учетом острого кризиса легитимности международных институтов автору представляется крайне важным *создание адекватных коммуникационных площадок, где был бы в том числе обеспечен качественный экспертный диалог, не ограниченный по возможности рамками мейнстримного внешнеполитического консенсуса.*

В-пятых, сейчас в мире наблюдается колоссальный кризис доверия: дипломатия как таковая в глобальном контексте выглядит как попытки договориться с позиции силы, любым способом продавить свой вариант. Компромисс чаще всего даже не лежит на столе, и это в целом делает мир еще более «хрупким». И такой подход в принципе близок персональному стилю Дональда Трампа. Он, как правило, легко идет по лестнице эскалации и готов к обострению ситуации, однако тем не менее представляется, что и в подходе к Китаю, и в отношениях с РФ все же просматривается склонность избранного 47-го президента США к рамкам противостояния скорее в духе новой холодной войны с прицелом на попытку оформления нового мироустройства по американским правилам. В отличие от предыдущих демократических администраций, целью которых можно было считать отход США от роли мирового полицейского и идеи широкомасштабного трансфера демократии в ее американском понимании (на что у Соединенных Штатов уже определенно не хватало никаких ресурсов) к роли своеобразного глобального морального камертона с выдвижением администрацией Дж. Байдена лозунга «западная демократия в опасности», ставшего новым регулятором международных отношений, в случае Д. Трампа и его команды пока наблюдается скорее смещение акцента на соблюдение любыми контрагентами правил игры «US style». То есть уже без обязательного переноса (трансфера) соответствующей нормативно-ценностной матрицы. Иными словами, этаким мир будущего на американский манер (несмотря на очевидно утраченную Соединенными Штатами монополию на формирование международной повестки), с прицелом на доминирование в космосе, IT технологической повестке и регулировании – соответственно, *based on American game rules*¹ – широкого внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в ежедневную рутину.

¹ На основе американских правил игры (англ.).

Во многом такой подход связан с тем, что в США, как и в Европе, к власти приходит новое поколение политических лидеров, в связи с чем наблюдается определенная деидеологизация политического поля, меняется сам типаж политика, теперь это скорее своего рода менеджеры от политики. Они не считают, что Соединенные Штаты должны и далее продолжать платить слишком высокую цену за возможность быть моральным лидером мира (в этом отношении, безусловно, сыграл свою роль холодного душа и недавний скоропалительный исход США из Афганистана). Представляется, что с этой точки зрения упрощенно можно говорить об определенном интеллектуальном трансфере в американском политикуме от парадигмы Америки – мирового гегемона с глобальной ответственностью к идее недопущения Соединенными Штатами возникновения другого гегемона. Соответственно, в эту логику прекрасно вписывается и противостояние с КНР для противодействия дальнейшему росту последней в Индо-Тихоокеанском регионе; стремление к технологическому превосходству США; установление в глобальном масштабе американских правил регулирования в ходе повсеместного внедрения технологии искусственного интеллекта (ИИ) и сохранение безусловного доминирования Соединенных Штатов в глобальном информационном пространстве. Разрушение существовавшего в Соединенных Штатах на протяжении десятилетий двухпартийного внешнеполитического консенсуса, в основе которого лежала идея Америки как глобального лидера, ответственного за все, ведет к утрате теми или иными векторами американской внешней политики «концептуальной статичности»: ранее то же трансатлантическое партнерство или гарантия американского «зонтика» для Европы никогда не подвергались сомнению¹. Представления Д. Трампа о трансатлантическом партнерстве основаны на его глубокой убежденности не в том, что этот механизм дисфункционален или не соответствует реалиям сегодняшнего дня, а в том, что более сдержанная политика Соединенных Штатов и отказ от вовлеченности в конфликты в географически отдаленных регионах мира, не угрожающие напрямую национальной безопасности США, могут подтолкнуть Европу к тому, чтобы взять на себя больше ответственности за обеспечение собственной безопасности, включая прежде всего расходы на оборону. Настроения так называемого изоляционистского² крыла Республиканской партии, близкого к Трампу (Дж.Д. Вэнс, Рассел Воут, Элбридж Колби и др.), хорошо отражает позиция избранного вице-президента США Дж.Д. Вэнса, который в своей статье для «Foreign Affairs» в феврале 2024 г. заметил, что недостаточные расходы

¹ Tausendfreund R. Gedimmte Grossmacht // Internationale Politik. – 18.10.2024.

² Более нюансированный термин, используемый политологами на сегодняшний момент – «сдержанного».

европейских союзников на оборону могут рассматриваться по сути как своего рода косвенный налог на безопасность Европы, налагаемый на американский народ¹.

Безусловно, такой подход связан с тем, что внутри Республиканской партии в последние годы в значительной степени укоренилась установка, согласно которой Соединенные Штаты не должны втягиваться в отдаленные конфликты, истощающие их ресурсы, поскольку это в свою очередь подрывает безопасность США, а также сформировался широкий консенсус относительно того, что в фокусе «сильной политики» Вашингтона должен находиться прежде всего Китай, чей рост потенциально угрожает глобальному статусу Соединенных Штатов. Показательно в этом отношении, что, согласно данным масштабных социологических опросов, среди сторонников Республиканской партии 82% обеспокоены растущим глобальным влиянием Пекина, тогда как среди демократов этот показатель ниже – 70%². Кроме того, растет число сторонников Республиканской партии, не просто считающих, что Америке необходимо максимально возможным способом сосредоточить все свои ресурсы на противодействии росту Китая в Индо-Тихоокеанском регионе, пока США еще сохраняют военное, экономическое и технологическое преимущество перед КНР, но и предпочитающих решать данную проблему не путем управляемого противостояния, а посредством эскалации на китайско-американском треке. И тем не менее в совокупности эти концептуальные изменения внутри настроений американского истеблишмента основаны прежде всего на осознании новых пределов влияния Соединенных Штатов в мире (теперь куда более ограниченных).

Таким образом, представляется, что главной целью Вашингтона в кратко- и среднесрочной перспективе станет приложение всех имеющихся ресурсов и возможностей для исключения создания любых сфер доминирования (будь то военных, экономических, технологических etc.) на суше, в воде, космосе, закрытых для внешнего доступа. Причем рамочными условиями для этого станет отказ Соединенных Штатов от мессианской картины мира в пользу задействования модели, которую США давно и вполне успешно практикуют – использования компетенций военно-политических, торговых и пр. союзов, объединенных определенной системой декларируемых ценностей. Представляется возможным определенный стратегический трансфер страны при Д. Трампе: США будут, скорее всего, двигаться от парадигмы мирового лидера с полирегиональной ответственностью в сторону идеи активизации в разной степени формализованной (и не всегда институционализированной) военно-политической и экономической консолидации в рамках создаваемых или уже функциони-

¹ Tausendfreund R. Gedimmte Grossmacht // Internationale Politik. – 18.10.2024.

² Poushter J., Gubbala S., Lippert J. (2023). US–Germany relationship remains solid, but underlying policy differences begin to show / Pew Research Center. – Washington, D.C. – 27.11. – URL: <https://www.pewresearch.org/global/2023/11/27/usgermany-relationship-remains-solid-but-underlying-policy-differences-begin-to-show> (date of access: 09.08.2024).

рующих альянсов, или повышения уровня стратегического партнерства с отдельными акторами, которые раз за разом в той или иной конфигурации позволяли бы Вашингтону становиться главным бенефициаром ситуации там, где затронуты его «жизненно важные» интересы. Старший научный сотрудник влиятельного Германского общества внешней политики (DGAP) Рейчел Таузендфройнд приводит цитату из книги советника К. Харрис по внешней политике Филиппа Гордона, которая, на наш взгляд, в содержательном отношении, пожалуй, наиболее близко отражает сегодняшнее status quo с точки зрения Вашингтона: «Соединенные Штаты остаются самой важной державой в мире и обладают уникальными возможностями, которые дают им беспрецедентный потенциал и ответственность играть ключевую роль в регионе, где на карту поставлены критически важные интересы США»¹. При этом неизбежно обращает на себя внимание такой значимый фактор нынешнего состояния мировой системы, как крайне высокий уровень «релятивизма» в современных конфликтах (детерминированный влиянием информационной среды и последствиями технологической революции), когда географические и временные рамки, участники, ресурсная база, интенсивность конфликта утрачивают свои четко очерченные контуры и приобретают ярко выраженный переменный характер. К этому добавляется и фактор утраты государством монополии на обеспечение безопасности вследствие того, что буквально квантовый скачок в развитии медиа, IT, биотехнологий, непосредственно влияющих на индивида и его взаимодействие с социумом, сделал границы проницаемыми. Безусловно, эти аспекты также будут влиять на *modus operandi*² «уходящего»³ гегемона в попытках установить всевозможные препоны для «восходящего» актора, включая потенциальную возможность открытого вооруженного противостояния.

В целом же можно говорить о том, что наличие феномена глобального информационного пространства как глобального игрока и соотносящиеся с медиацентричной стадией развития общества риски формирования зависимости последнего от информационных платформ и их создателей, как и растущая цифровизация повседневной жизни человечества создают эффект высокого уровня новизны в ситуации разрушения существовавшей ранее нормативно-институциональной матрицы международных отношений. Так, помимо глобальной неопределенности нынешней международной ситуации речь идет и о высоком уровне «небезопасности» мировой системы, которую на нынешнем этапе в том числе определяет (формирует) и «информационно-коммуникационная среда». По мнению председателя Совета развития и поддержки Фонда Международного дискуссионного клуба «Валдай» Ан-

¹ Tausendfreund R. Gedimmte Grossmacht // Internationale Politik. – 18.10.2024.

² Образ действий (лат.).

³ Allison, Graham. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Houghton Mifflin Harcourt, 2017.

дрия Быстрицкого, «именно коммуникационная революция сопоставила все конфликты друг с другом, свела все в один хаотический список»¹. Более того, современные коммуникационные технологии действительно «впервые сделали мир круглым и очень компактным. С таким миром в отсутствие внятной поляризации, т.е. господствующего конфликта, люди дела никогда не имели, и как обращаться с ним – не знают»².

И именно это ощущение мирового хаоса вследствие повторяющихся геополитических шоков, возвращения к жизни, казалось бы, давно урегулированных конфликтов и возросшей конкуренции великих держав, крайне хаотичное переплетение сфер влияния и интересов отдельных акторов и высокий уровень взаимозависимости, определяемый в том числе информационно-коммуникационной средой, которая действительно сделала мир «круглым и компактным», на наш взгляд, девальвирует (*hic et nunc*)³ категорию жестко фиксированного одно- или биполярного конструкта международных отношений в пользу *плавающей «сейсмостойкой» конфигурации доминирующих центров силы*. Представляется, что на данном транзиторном (переходном) этапе оформления и артикуляции новой матрицы международных отношений речь будет идти с большей долей вероятности о более-менее упорядоченном сообществе мировых игроков, тяготеющих в разное время к тем или иным доминирующим центрам силы. В основе авторитета (веса) которых, в отличие от прежней способности «полюса» напрямую проецировать свое влияние в самые отдаленные уголки мира, будут лежать в том числе и такие новые или относительно новые элементы властного ресурса, как возможность доминирования в сфере высоких технологий; безусловное доминирование в глобальном информационном пространстве; возможность оказывать влияние на регулирование повсеместного внедрения технологии искусственного интеллекта (ИИ), которая в том числе может рассматриваться и в качестве инструмента подготовки общественного мнения к той или иной конфигурации нового мироустройства, и т.д. Между тем, хотя мы можем со всем основанием говорить о наличии на данном этапе развития международных отношений доминирующих сил вместо полюсов в их классическом понимании, тем не менее полярность нынешнего момента сравнима, пожалуй, с казино, в котором «на круг» выигрывает его владелец, и на сегодняшний день в статусе владельца находятся Соединенные Штаты.

При этом, как представляется, на данном этапе *роль глобальной господствующей конфронтации в какой-то мере переходит к поляризации и идеологической консолидации глобального информационного пространства в рамках крупных конфликтов, приобретающих*

¹ Быстрицкий А. Размытые полюсы и туманные горизонты. Клуб «Валдай». Аналитика. 05.06.2019. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/chairman-speech/razmytye-polyusy-ploskii-mir/> (дата обращения: 18.12.2024).

² Там же.

³ Здесь и сейчас (лат.).

отчетливо экзистенциальный характер (украинский конфликт; противостояние Россия – Запад; США – КНР; рост напряженности в Индо-Тихоокеанском регионе и районе Южно-Китайского моря; Ближневосточный узел и т.д.).

Кроме того, как видится, речь идет о совершенно новой модификации полярности: *глобальное информационное пространство может теперь рассматриваться как своего рода «размытый» квазиполус эпохи медиацентричного общества (мира)*. Ввиду того что, как уже отмечалось выше, в условиях медиацентричного общества сохраняющееся доминирование актора в глобальном информационном пространстве остается одним из важнейших элементов властного ресурса. Поскольку на нынешнем этапе развития человечества повседневная жизнь настолько глубоко связана с медиапотреблением, что можно говорить о том, что новым статусом индивида в его взаимоотношениях с обществом становится «человек медийный»¹, и именно эффект медийности в современных конфликтах с учетом детерминирующего влияния коммуникационных технологий на ежедневные социально-политические практики общества способен обеспечить одной из сторон значительное преимущество (что отчетливо проявилось, например, во время эскалации арабо-израильского конфликта 2023–2024). Исходя из этого, доминирование в медиадискурсе уверенно превращается в ресурс проецирования силы в международных отношениях: так называемые горячие конфликты одновременно становятся ареной борьбы нарративов в медиапространстве за консолидированную позицию мирового большинства или его значимой части.

Таким образом, защита цифрового суверенитета и доминирование в сфере IT-технологий и прежде всего искусственного интеллекта оказались в эпицентре конкуренции держав за право влиять и определять конфигурацию XXI века. Основой властного ресурса уже в краткосрочной перспективе становится возможность государств артикулировать и диктовать свои правила и решения в области широкого внедрения ИИ в повседневную жизнь, а также значимо влиять на «гонку общего интеллекта» (AGI). И пока правила нынешнего «глобального противостояния в многомерном пространстве»² таковы, что тот, кто придет в этой гонке вторым, окажется лишь первым из проигравших.

¹ Вартанова Е.Л. Журналистика и медиа в цифровом обществе (2021). Лекция. – 01.07.2021. – URL: <https://youtu.be/JPew8e8IfG0> (дата обращения: 19.03.2024).

² Арзаманова Т.В. Восходящие тренды мирового развития и их влияние на глобальный эффект «геополитического саспенса» // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 71 (87) 2023. – С. 15–26. – URL: http://inion.ru/site/assets/files/4256/bezop_71_87_s_obl.pdf (дата обращения: 20.01.2024).

ДОНАЛЬД ТРАМП И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: РЕАКЦИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ПАРТИЙ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ В США

Олег Каринцев,
политолог

Аннотация. В статье анализируется партийное измерение трансатлантических отношений в связи с победой Дональда Трампа и триумфа Республиканской партии на президентских выборах в США 5 ноября 2024 г. В противовес тем, кто утверждает, что Европейский союз в целом настроен скорее против Трампа, проведенный анализ показывает, что в реальности сторонников Трампа в европейских партиях больше, чем может показаться на первый взгляд. Можно говорить о нейтралитете Евросоюза в отношении нынешней Республиканской администрации, а также о готовности взаимодействовать с этой администрацией в тех сферах, где позиции последней совпадают с позициями Европейского союза.

Ключевые слова: Европейский союз; Соединенные Штаты Америки; трансатлантические отношения; Республиканская партия; европартии; правый популизм; европейские выборы; Дональд Трамп.

Keywords: European Union; United States of America; transatlantic relations; Republican party; Europartie; right-wing populism; European election; Donald Trump.

1. Дональд Трамп и Европейский союз

Победа кандидата от Республиканской партии США Дональда Трампа на президентских выборах 5 ноября 2024 г. встретила неоднозначную реакцию со стороны европейских партий. Часть из них, включая Европейских консерваторов и реформистов, объединение «Патриоты» и Европу суверенных наций, активно приветствовала победу кандидата от правых. Другая часть, как Европейская народная партия, заняла нейтральную и выжидательную позицию, а ряд политических сил, таких как Альянс либералов и демократов за Европу, акцентировал как положительные, так и отрицательные стороны победы Дональда Трампа. Некоторые политические силы ЕС встретили триумф популистов однозначно отрицательно, например Партия европейских социалистов и Европейские зеленые.

В данной статье предпринимается попытка разобраться, почему повторное избрание Трампа, который уже был президентом США в 2016–2020 гг., встретило такое разнообразие позиций и реакций со стороны европейских игроков, и с чем связано партийное размежевание в ЕС по вопросу об отношении к Республиканской партии США и лично к Дональду Трампу. Показывается, что для понимания закономерности формулирования позиций в отношении новой администрации США необходимо принять во внимание следующие моменты: 1) идеологическое родство между Республиканской партией Соединенных Штатов и Европейской народной партией как представителями правоцентристского политического

течения, состоящего в Международном союзе демократии; 2) правопопулистский дрейф как европейских христианско-демократических и консервативных партий, так и Республиканской партии США, наблюдающийся в последнее десятилетие; 3) неоднородный характер Альянса либералов и демократов за Европу, который содержит в себе как праволиберальное крыло, склонное к популизму, так и леволиберальное течение, отвергающее популизм; 4) последовательность европейских социал-демократов и зеленых в противостоянии популизму и национализму всех мастей.

2. Европейская народная партия

В связи с тем что как Европейская народная партия, так и Республиканская партия США занимают сходные позиции по внутренней политике, включая усиление контроля над миграцией, защиту свободного предпринимательства и западного образа жизни, их разногласия касаются в основном внешней политики и безопасности. В то время как республиканцы отводят незначительную роль отношениям с Европейским союзом и делают ставку на изоляционизм от международных организаций, европейские христианские демократы привержены тесному международному сотрудничеству для предотвращения кризисов и решения общих проблем. Вместо скептического отношения американских правых к процессу европейской интеграции народники настаивают на максимальной интеграции европейских стран и создании полноценной европейской федерации в перспективе. В то время как сторонники Дональда Трампа критикуют право на аборт, гендерную проблематику и защиту меньшинств, последние два направления представляют основополагающие ценности для европейских правоцентристов.

Наконец, для европейских христианских демократов и их союзников в лице консерваторов неприемлемы никакие дискриминационные высказывания, а также действия, могущие вызвать подозрения в расизме и защите идей белого превосходства. В целом же, несмотря на ряд идейных разногласий, Европейская народная партия и американские республиканцы остаются союзниками в главном – защите основополагающих ценностей западной цивилизации и ее глобального лидерства, а также общества, основанного на рыночном капитализме и индивидуальной свободе. Всё это позволяет предположить, что и при нынешней администрации в Соединенных Штатах тесное взаимодействие США и ЕС продолжится, а сотрудничество правоцентристов по обе стороны Атлантики станет «залогом сохранения трансатлантического единства и солидарности»¹.

¹ URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_24_5701 (дата обращения: 11.11.2024).

3. Партия европейских социалистов

Наиболее непримиримую позицию по отношению к администрации Дональда Трампа занимает Партия европейских социалистов, а также ее союзники по левоцентристскому лагерю, объединенные в политической группе социалистов и демократов в Европейском парламенте. В самом деле, социал-демократы традиционно являются защитниками ценностей, во многом противоположных ценностям американских правых – социальному равенству вместо неограниченной свободной конкуренции, мирному развитию вместо «мира посредством силы» и наращивания вооружений, продвижению социальных, национальных, религиозных и других меньшинств вместо анти-иммигрантской риторики и политики. Европейские социалисты, как и их коллеги из Демократической партии Соединенных Штатов, видят в Дональде Трампе угрозу демократии как внутри страны, так и на глобальном уровне.

Дональд Трамп рассматривается социалистами как сосредоточение всего того, против чего выступают левые – предрассудков, нетерпимости, закрытости, продвижения конспирологических теорий и борьбы с экологической повесткой дня. В этой связи Европейские социал-демократы, как и близкие к ним Европейские зеленые и регионалисты, в равной степени осуждают как риторику и политику Дональда Трампа, так и таковые Республиканской партии в целом. В этой связи следует отметить, что если раньше некоторые противники Трампа отделяли последнего от Республиканской партии, истеблишмент которой до недавнего времени все еще разделял классические республиканские установки, то теперь фигура Трампа рассматривается как неотделимая от остальной партии, которая прошла путь трансформации от классической правоцентристской силы к правопопулистской. В свою очередь, во внешней политике социалисты всегда оппонировали республиканцам, настаивая на многостороннем подходе вместо одностороннего¹.

4. Мягкие евроскептики: Европейские консерваторы и реформисты

Партия Европейских консерваторов и реформистов открыто высказалась в поддержку Дональда Трампа на президентских выборах в США, так как данная партия является давним союзником американских республиканцев еще с периода членства Британии в Европейском союзе. Европейские консерваторы и реформисты назвали повторный приход Трампа в Белый дом «определяющим моментом»². Ценности европейских консерваторов, обозначенные в их ключевом программном документе – Рейкьявической декларации – в значительной мере пере-

¹ URL: <https://socialistsanddemocrats.eu/newsroom/iratxe-garcia-washington-dc-partnership-biden-administrati-on-strengthens-multilateralism> (дата обращения: 11.11.2024).

² URL: <https://www.theconservative.online/trumps-comeback-the-47th-president-of-the-united-states-of-america-2> (дата обращения: 11.11.2024).

кликаются с таковыми Республиканской партии США, здесь можно назвать и «национальный суверенитет», который соответствует республиканскому пониманию политики «Америка на первом месте», «ограниченное правительство», связанное с рыночной философией американских правых, «семейные ценности», соответствующие пониманию американскими консерваторами брака как союза мужчины и женщины и т.д.

Европейские консерваторы и реформисты оценивают последние президентские выборы в США как «отражение четкого выбора американского народа в отстаивании своих консервативных ценностей»¹. Партия выражает свой оптимизм по поводу очередного мандата Дональда Трампа, который рассматривается как возможность «усилить отношения между США и Европой», а также работать над продвижением общих ценностей, таких как «стабильность, безопасность и процветание по обе стороны Атлантики»². Вместе с тем между близкими по духу европейскими консерваторами и американскими правыми сохраняются разногласия в связи с различными оценками роли ЕС в глобальном пространстве, а также по поводу возвращения Великобритании в ЕС, которое хотели бы видеть европейские союзники Соединенного Королевства, но не их американские единомышленники.

5. Жёсткие евроскептики: Патриоты и Европа суверенных наций

В отличие от своих конкурентов по правоцентристскому лагерю в лице Европейских консерваторов и реформистов, жесткие евроскептики не считают, что Европейский союз необходимо развивать с помощью реформ, а вместо этого полагают, что Европейский союз не соответствует интересам граждан и государств и должен быть преобразован в конфедерацию под названием «Европа свободных наций». В этом вопросе позиции Патриотов³ и Европы суверенных наций являются более близкими к позициям Дональда Трампа и республиканцев, чем таковые Европейских консерваторов и реформистов. Поэтому данные партии открыто говорят о том, что победа Дональда Трампа на президентских выборах в США «усилит патриотов в Европе»⁴. В самом деле, позиции жестких евроскептиков по европейским вопросам еще больше перекликаются с позициями Дональда Трампа, чем таковые Европейских консерваторов и реформистов. В частности, Патриоты считают, что Европа должна строиться как союз «сильных, гордых и независимых наций», которые призваны сохранять и защищать

¹ <https://ecrparty.eu/2024/11/06/uk-conservative-party-leadership-election-2/> (дата обращения: 11.11.2024).

² Там же.

³ Фракция «Патриоты Европы» (Patriots for Europe – англ.) в Европарламенте.

⁴ URL: <https://www.euractiv.com/section/politics/news/the-capitals-trump-win-will-strengthen-patriots-for-europe-says-ano-vice-chair/> (дата обращения: 11.11.2024).

«европейскую идентичность, традиции и обычаи, плоды греко-римского и иудео-христианского наследия»¹.

Несмотря на схожесть политических взглядов жестких евроскептиков и американских республиканцев, во внутренней политике их позиции во многом не совпадают. В частности, первых нельзя назвать поборниками свободной рыночной конкуренции и индивидуальных прав, они не являются сторонниками децентрализации управления и укрепления власти на местном уровне, а также европейские правые популисты не разделяют взгляды консерваторов в области невмешательства государства в социальную сферу, дерегулирования и сокращения социальных расходов. Таким образом, жесткие евроскептики являются бóльшими союзниками американских республиканцев во внешней и миграционной политике, чем мягкие.

6. Альянс либералов и демократов за Европу

Альянс либералов и демократов за Европу занимает двойственную позицию по отношению к Республиканской партии США в широком плане и в отношении Дональда Трампа в узком смысле. Как проевропейская партия, являющаяся активным проводником европейской интеграции и создания подлинно единой Европы, Альянс не поддерживает изоляционизм Трампа и его скептицизм в отношении Европейского союза. Также либеральные демократы, как партия прав человека и защиты прав меньшинств, активно противостоят риторике Трампа по вопросам этничности и его антииммигрантской политике. Вместе с тем либералам близка экономическая часть программы республиканцев с ее снижением налогов, поддержкой бизнеса и предпринимательства, отказом от дорогостоящих социальных проектов и приоритетом рыночных механизмов над государственным вмешательством.

Либеральные демократы считают, что те республиканские традиции, которые идут от президентства Рональда Рейгана, являются благом не только для Соединенных Штатов, но и для любого общества, стремящегося к свободе и процветанию. Однако либералы категорически не согласны с недооценкой роли международных организаций, а также коллективных механизмов принятия решений в них. Как партия, стоящая на позициях космополитизма, Альянс отвергает любую риторику превосходства или приоритета отдельных стран по отношению к другим, даже своих собственных государств. Поэтому такие лозунги, как «Америка в первую очередь» или «Сделаем Америку снова великой» идут вразрез с мировоззрением и принципами Альянса либералов и демократов за Европу. Последний также не приемлет экстремизм и радикализм в любых их проявлениях, как и популизм, поэтому данный элемент мировоззрения современной Республиканской партии США Альянс начисто отвергает. Эти-

¹ URL: <https://patriots.eu/manifesto> (дата обращения: 11.11.2024).

ми моментами объясняются и различия в оценках исхода выборов в США, которые характерны для либералов¹.

7. Европейские левые: Левый альянс и Партия европейских левых

Европейские левые, которые представляют левопопулистский и евроскептический лагерь, также занимают двойственную позицию по отношению к американским популистам во главе с Дональдом Трампом. Левые в высшей степени отрицательно относятся к риторике доминирования и антииммигрантской политике Республиканцев, резко противостоят рыночным экономическим преобразованиям и политике дерегулирования, отвергают выпады против феминизма и меньшинств, осуждают экологический скептицизм. Однако что касается политики изоляционизма и отказа США от вмешательства в политику других стран, то данные принципы левые поддерживают, так же, как и скепсис в отношении НАТО и других международных институтов.

Вместе с тем европейские левые не приемлют активную поддержку Израиля со стороны администрации Трампа и исторически поддерживают палестинцев и создание Палестинского государства. Левых объединяет с республиканцами противостояние исламскому фундаментализму и радикализму, негативное отношение к политическому режиму в Иране и исламистским силам на Ближнем Востоке. Однако левые отвергают антикитайский настрой Трампа, а также негативное отношение администрации республиканцев к режимам, ориентирующимся на Китай. В равной степени левые резко отрицательно относятся к исторической борьбе республиканцев против левых режимов в странах Латинской Америки, поддержке военных диктатур и правых политиков в регионе. Как известно, крайности сходятся, и популисты и евроскептики как справа, так и слева, имеют общие черты, которые позволяют отодвинуть противостояние между собой на второй план перед лицом борьбы с общим противником – левым и правым центром. Европейские левые видят в американском изоляционизме путь к предотвращению войн и насилия, а также к сокращению роли Североатлантического альянса².

8. Дональд Трамп и «особые отношения» Великобритания – США

Несмотря на то что Великобритания не является членом ЕС, отношения Британия – США заслуживают рассмотрения в настоящей статье, поскольку играют важную роль в европейской повестке дня, влияя на климат трансатлантических отношений. «Особые отношения» между Великобританией и США отсчитываются от периода Второй мировой войны и

¹ URL: https://www.aldeparty.eu/eu_needs_to_step_up_liberals_react_to_us_election (дата обращения: 12.11.24).

² URL: <https://left.eu/trump-not-welcome-war-not-the-solution-to-world-problems-2/> (дата обращения: 12.11.24).

проходят через весь послевоенный период вплоть до настоящего времени. «Особые отношения», как правило, лучше развиваются в те периоды, когда у власти в обеих странах находятся консерваторы и республиканцы соответственно, как это было в период расцвета «особых отношений» в эпоху Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер. Однако существуют и исключения из правил – в частности, в период правительства Тони Блэра отношения Великобритании – США были не хуже, чем в периоды одновременной власти правоцентристов в обеих странах.

В современный период, когда у власти в Великобритании находится лейбористское правительство во главе с Киром Стармером, а в Соединенных Штатах формируется администрация Республиканской партии, отношения Британия – США находятся на новом витке развития после поражения Консервативной партии Великобритании на всеобщих выборах. Лейбористская партия занимает во многом схожие позиции с американскими демократами, однако это вряд ли может помешать сотрудничеству между британской и американской администрациями. Причина состоит в том, что фундамент «особых отношений» заложен достаточно основательно и сохраняет стабильный характер на протяжении нескольких десятилетий. Несмотря на разногласия во внутренней политике, стороны в основном придерживаются одного и того же мнения по вопросам внешней политики, обороны и безопасности. В этой связи сотрудничество США и Великобритании в НАТО не претерпевает изменений и является таким же тесным, как и ранее. Американо-британские отношения выдержали испытание и выходом Великобритании из Европейского союза.

9. Трамп и Косово

Отношение косовских партий к Республиканской партии и лично к Дональду Трампу имеет особый характер и поэтому заслуживает отдельного рассмотрения. В самом деле, от политики администрации во многом зависит исход примирения между Сербией и Косово, от которого зависит безопасность всего Балканского полуострова. В целом можно отметить, что к политике Республиканской партии близки такие косовские партии, как Демократическая партия Косово, Альянс за будущее Косово и Новый косовский альянс, в то время как к противникам республиканцев в лице демократов ближе Демократическая лига Косово во главе с Лумиром Абдикшику, бывшим директором аналитического центра Riinvest Institute. Нынешняя правящая партия в Косово, «Самоопределение» во главе с Альбином Курти, считается левопопулистской и проалбанской, поэтому у нее натянутые отношения как с республиканцами, так и с демократами.

В частности, после таких действий, как решение правительства Курти о замене личных документов и автомобильных номеров косовских сербов на официально принятые в Косово, а также другие меры, направленные на то, что косовские сербы считают ущемлением своих

прав, Республиканская партия посчитала такие действия не ведущими к примирению Сербии и Косово. В этой связи республиканцы считают своими реальными союзниками в Косово Демократическую партию и Альянс за будущее Косово, так как идеология этих партий в наибольшей степени совпадает с таковой у республиканцев в сфере экономики, развития отношений и ценностей. В целом политика администрации Трампа в отношении Косово по всей видимости будет направлена на продолжение действий предыдущей администрации по сербско-косовскому диалогу и примирению, стремясь работать в равной степени как с сербским, так и с косовским руководством. При этом такой диалог может проходить продуктивнее, чем в случае с Демократической администрацией, учитывая общие установки Дональда Трампа и президента Сербии Александра Вучича.

10. Трамп и Сербия

Так же, как в ряде стран Центральной и Восточной Европы, в Сербии фигура Дональда Трампа пользуется популярностью. Это связано с тем, что Дональд Трамп ассоциируется в Сербии с противопоставлением истеблишменту США и тому, что обозначается как «глубинное государство» (deep state). Примечательно, что президент Сербии Александр Вучич был одним из тех лидеров, которые направили выдержанные в благожелательных тонах поздравления Трампу в связи с избранием на пост президента США¹. Правящая в Сербии Сербская прогрессивная партия, как правопопулистская и социал-консервативная партия, имеет много общего с Республиканской партией США в период трансформации последней под руководством Дональда Трампа. И та, и другая партия считают, что страны прежде всего должны опираться на собственные силы при формулировании стратегии экономического развития, что необходимо учитывать традиции и национальный менталитет при принятии решений, что государства должны исходить из собственных интересов и приоритетов при участии в международных организациях. Объединяет партии и общее понимание роли религии в обществе, христианских ценностей как источника политического развития и процветания в стране.

Особым элементом схожего понимания является неприятие глобализации, транснациональных элит и того, что в правых кругах обозначается как «левая и глобалистская повестка дня». Укрепление армии и сильных институтов закона и порядка является приоритетом обеих политических платформ, а либеральная оппозиция считается фактором дестабилизации обстановки в стране, противоречащей ее спокойствию и нормальному развитию. Сербия разделяет скептицизм Дональда Трампа в отношении НАТО как международного альянса и счи-

¹ URL: <https://ria.ru/20241106/vuchich-1982144302.html> (дата обращения: 15.11.2024).

тает необходимым исходить из приоритетов собственной армии и ее потребностей, укреплять армию страны в целях национальной безопасности и обороны.

11. Позиции по Сирии

Основные моменты разногласий между администрацией Трампа, с одной стороны, и политическими силами Европейского союза – с другой, связаны с Ближним Востоком, включая такие страны, как Турция, Сирия, Ирак, Иран, Израиль и другие государства региона. В частности, в контексте смены власти в Сирии, произошедшей 8 декабря 2024 г., среди европейских и американских партийных политиков имеются различные точки зрения относительно будущего сирийского урегулирования и процессов межпартийного сотрудничества. Если американские республиканцы не отводят первостепенное внимание сирийской повестке дня, считая ее второстепенной по сравнению с другими международными проблемами, то для европейских партий вопрос будущего Сирии является одним из важных пунктов международной повестки, от которого зависит будущее мира не только на Ближнем Востоке, но и на европейском континенте.

Республиканцы в целом скорее скептически смотрят на способности переходной администрации во главе с аль-Джулани и аль-Боширом навести порядок в стране после свержения Асада, защитить права меньшинств, в частности христиан, на всей территории Сирии. В то же время европейские коллеги республиканцев склонны более оптимистически рассматривать будущее Сирии в условиях нынешней администрации, учитывая роль Турции, Израиля и других стран региона по содействию межсирийскому диалогу по нормализации обстановки в стране. Европейские партии в большей мере озабочены перспективами становления демократического режима в Сирии, чем американские республиканцы, поскольку последних не в такой мере волнуют вопросы демократии, как проблемы безопасности и защиты интересов Израиля, вопросы противодействия Ирану и др. В связи с указанными разногласиями вокруг Сирии сотрудничество между США и ЕС при новой американской администрации по вопросам сирийского взаимодействия и урегулирования на Ближнем Востоке, скорее всего, будет в значительной степени затруднено.

12. Позиции по Израилю

Ещё в большей степени, чем по Сирии, позиции партий Европейского союза и Республиканской партии США отличаются по вопросам израильско-палестинского урегулирования. В то время как администрация Дональда Трампа и Республиканская партия США стоят на позициях активной поддержки Израиля, симпатии европейцев, скорее, на стороне палестинцев, хотя Израиль является прочным союзником ЕС. В этой связи европейцы проявляют бо-

лее сдержанный подход по вопросам вторжения Израиля на территорию Голанских высот, ранее принадлежавших Сирии, непосредственно после падения режима Башара Асада и перехода власти к новому правительству. В этой связи республиканцы защищают все, что они рассматривают как укрепление позиций Израиля в регионе, а также противодействие Ирану и ливанской шиитской радикальной исламской группе «Хезболла». Европейцы также скептически относятся к правительству во главе с Беньямином Нетаньяху, а также вообще к израильским правым партиям, в то время как основная из них, партия «Ликуд», является традиционным союзником Республиканской партии Соединенных Штатов.

Европейский союз более разделяет идеи мультикультурного, светского и многоконфессионального государства в Израиле, нежели поддерживает понимание Израиля как еврейского государства с сильной религиозной составляющей, стремящегося быть доминирующим игроком в регионе Ближнего Востока. Европейцы также не поддерживают чрезмерно жесткую, на их взгляд, политику и военную компанию Израиля в Палестине и Секторе Газа, которая рассматривается как массовое нарушение прав человека, неизбирательное применение силы и отсутствие цивилизованных норм и правил ведения военных действий со стороны Израиля. Всё это, так же, как и в случае с Сирией, другими государствами в регионе, будет, очевидно, препятствовать достижению согласия по вопросам политики США и Европейского союза по отношению к Израилю и военным конфликтам на Ближнем Востоке в условиях продолжающейся нестабильности.

13. Позиции по Ирану

Политика в отношении Ирана является также предметом разногласий между европейскими партиями и Республиканской партией Соединенных Штатов. Во времена «сделки по Ирану» середины 2010-х годов обозначились основные пункты разногласий между сторонниками силового давления на Иран, возможности нанесения ударов по его ядерным объектам, и приверженцами мирного пути, делающими ставку на смягчение позиции Ирана и более компромиссную линию представителей умеренных сил иранского руководства. В настоящее время указанные разногласия выражаются в противостоянии между теми, кто поддерживает линию Израиля на силовое доминирование в регионе, и теми, кто считает, что необходим компромисс между Израилем и Ираном. В целом можно сказать, что позиция администрации Дональда Трампа всегда была наиболее жесткой по отношению к Ирану, поэтому можно ожидать ужесточения линии американской администрации в данном вопросе. В связи с последними событиями в Сирии и свержением Башара Асада, приходом к власти суннитских радикальных групп, позиции Ирана в регионе в значительной мере подорваны, а его усилия по поддержке дружественных Ирану сил в регионе встречают все большее сопротивление.

В этой связи позиции европейских партий по Ирану, скорее всего, будут ужесточаться по мере того, как Иран будет терять позиции, а разногласия с американскими республиканцами по иранскому вопросу, возможно, будут терять свою остроту по мере развития ситуации. Следует в данном контексте упомянуть и европейскую кампанию против жестких запретов определенной формы одежды в Иране, группу поддержки иранских сторонников реформ, которая набирает обороты среди иранцев, проживающих в Европе, а также среди их единомышленников в европейских партиях. Всё это говорит о том, что иранская политика, скорее всего, будет меняться в ближайшее время в направлении большей демократизации, инклюзивности, уважения к правам человека и развития религиозной толерантности.

14. Позиции по Турции

Одним из резонансных вопросов ближневосточной политики США и ЕС, вызывающих дискуссии, является отношение к политике Турции и ее руководства в лице Реджепа Эрдогана. Последний является союзником республиканской администрации, его также поддерживают многие консерваторы в Европейском союзе, однако в целом ЕС не разделяет позиции руководства Турции по многим внутриполитическим и внешнеполитическим вопросам, а также проблемам безопасности, в связи с чем интеграция Турции в Европейский союз была приостановлена в последние годы. В то время как европейские либеральные и социал-демократические партии осуждают режим в Турции как автократию, для американских республиканцев и их единомышленников в европейских странах Эрдоган выступает в качестве сильного лидера, способного быть опорой интересов трансатлантического сообщества на Ближнем Востоке.

Европейский союз в большей мере поддерживает курдские демократические силы и демократическую оппозицию в Турции, нежели Соединенные Штаты, а европейские партии заявляют о нарушениях прав человека в Турции и об автократическом характере правления Эрдогана. Всё это составляет предмет разногласий американских республиканцев и европейских партий, которые могут сказаться в период деятельности администрации Дональда Трампа. Вместе с тем ввиду особой роли Турции в сирийской повестке дня, а также позиции Турции как одного из ключевых игроков в процессе сирийского урегулирования, разногласия между США и ЕС в вопросе Турции будут, возможно, сглаживаться, в пользу сотрудничества и компромисса, как и по иранскому вопросу. В этой связи можно ожидать дальнейшего согласования позиций США и ЕС в целом по ближневосточному кризису и перспективам его урегулирования, что должно стать проверкой трансатлантической солидарности и уровня сотрудничества в вопросах международной безопасности в XXI в. Турция как страна, находящаяся на перекрестке различных цивилизаций, может способствовать данному диалогу.

15. Выводы

Как показал анализ реакции европейских партий на результаты президентских выборов в США, а также позиций европартий по политике республиканской администрации, совокупный вектор политических партий ЕС лежит где-то посередине между поддержкой Дональда Трампа и оппонированием ему. В противовес тем, кто утверждает, что Европейский союз в целом настроен скорее против Трампа, проведенный анализ показывает, что в реальности сторонников Трампа в европейских партиях больше, чем может показаться на первый взгляд. Можно говорить о нейтралитете Евросоюза в отношении нынешней республиканской администрации, а также о готовности взаимодействовать с этой администрацией в тех сферах, где позиции последней совпадают с позициями Европейского союза.

В самом деле, несмотря на разногласия о роли ЕС в современном мире, Европейская народная партия, лидирующая партия в Европейском союзе, разделяет общие ценности с республиканцами в Соединенных Штатах. Партия европейских социалистов, которая на протяжении уже более двадцати лет не является лидирующей партией ЕС, целиком и полностью противостоит Трампу, но позиция этой партии не является определяющей при формировании внешней политики ЕС. Либеральные демократы как традиционно третья сила в ЕС разделены между сторонниками и противниками Трампа, что не предполагает единой партийной позиции в отношении нынешней республиканской администрации. Евроскептики, как мягкие, так и жесткие, скорее являются союзниками Дональда Трампа, чем его противниками, а левые, несмотря на общее отторжение правых республиканцев, по некоторым вопросам занимают схожие с Дональдом Трампом позиции. Таким образом, можно заключить, что политика ЕС в отношении Трампа и его администрации, скорее всего, будет складываться в прагматическом ключе, не сдвигаясь ни в сторону поддержки администрации, ни в пользу противостояния с ней.

ЯДЕРНАЯ ДОКТРИНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2024 г. ДОСТУЧАТЬСЯ ДО НЕБЕС

Анастасия Понамарева,
*старший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований
ИНИОН РАН*

Аннотация. В статье выделены ключевые новеллы очередной редакции Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания, обозначены причины модернизации ядерной доктрины страны, дана характеристика произведенных изменений за рубежом и способности данной инициативы российского военно-политического руководства внести значимые коррективы в динамику опосредованной войны нашей страны с так называемым коллективным Западом.

Ключевые слова: новая ядерная доктрина России; теория сдерживания; конфликт на Украине; Владимир Путин; дилемма безопасности; Россия; США.

Keywords: Russia's New Nuclear Doctrine; deterrence theory; Ukraine conflict; security dilemma; Vladimir Putin; Russia; USA.

19 декабря 2024 г. в рамках ежегодной большой пресс-конференции президента России, объединенной с «прямой линией» с гражданами, Владимир Путин напомнил об ответственности неядерных государств в случае их участия в агрессии против России или Белоруссии вместе со странами, обладающими ядерным оружием. Комментарий прозвучал в ответ на вопрос корреспондента «Российской газеты» относительно того, как именно на Западе поняли сигнал, посланный международному сообществу Указом Президента Российской Федерации от 19.11.2024 № 991 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания»¹. «Я не знаю, как они поняли – это надо у них спросить. – Заявил президент. – Я знаю, что является содержанием этих изменений»².

О содержании новой ядерной доктрины, формальных поводах к ее модернизации, реакции на нее за рубежом и способности данной инициативы российского военно-политического руководства внести коррективы в динамику опосредованной войны нашей страны с так называемым коллективным Западом мы поговорим в настоящей статье.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 года № 991 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания». – Указ Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 года № 991 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» – Российская газета (дата обращения: 12.12.2024).

² Итоги года с Владимиром Путиным. Владимир Путин в прямом эфире подвел итоги года и ответил на вопросы журналистов и жителей страны // Kremlin.ru. – 19 декабря 2024 г. – Итоги года с Владимиром Путиным • Президент России (дата обращения: 12.12.2024).

«Он первым начал!»: войны нарративов

За два месяца до вступления в должность Дональда Трампа Джо Байден дал Владимиру Зеленскому согласие на применение американских баллистических ракет ATACMS¹ с дальностью 300 километров для нанесения ударов вглубь территории России². В интерпретации российской стороны, к ослаблению ограничений на использование поставляемого Украине американского оружия Байден перешел уже в мае 2024 г., когда наши войска развернули трансграничное наступление в направлении Харькова. Тогда ВСУ получили разрешение на применение высококомобильной артиллерийской ракетной системы (HIMARS), дальность действия которой составляет около 80 километров. Однако это решение предполагало, что возможной целью станут российские войска *непосредственно через* границу³. Что же касается ATACMS, то их использование в контексте «индальгенции от Байдена» помещает в зону поражения крупные города европейской части России: Севастополь, Симферополь, Ростов-на-Дону, Донецк, Луганск, Белгород, Воронеж, Курск, Орел, Брянск.

В свою очередь, зарубежные эксперты связывали сдвиг во внешней политике США с появлением северокорейских военных в зоне боевых действий в Курской области. Владимир Зеленский заявлял, что в регионе якобы находятся 50 тыс. военнослужащих КНДР⁴, тогда как пресс-секретарь Пентагона генерал-майор ВВС Патрик Райдер оценивал их численность в пределах от 11 до 12 тыс.⁵ Тема «КНДР на передовой» актуализировалась в контексте подписания Владимиром Путиным и Ким Чен Ыном Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Россией и КНДР, четвертая статья которого содержит положение об оказании взаимной военной помощи⁶. 24 октября документ ратифицировала Государственная

¹ ATACMS – управляемые ракеты класса «земля – земля» с максимальной дальностью 300 км. Их запускают из установок реактивных систем залпового огня (РСЗО) – HIMARS или M270 MLRS; обе поставляются Украине западными странами. О передаче ATACMS Украине США впервые официально объявили в октябре 2023 г.

² Первой о решении 46-го президента США Джо Байдена снять ограничения на применение Украиной американских дальнотойных ракет ATACMS сообщила The New York Times. См.: Entous A., Schmitt E., Barnes J.E. Biden Allows Ukraine to Strike Russia with Long-Range U.S. Missiles // The New York Times. November 17, 2024. – Biden Allows Ukraine to Strike Russia With Long-Range U.S. Missiles – The New York Times. Позднее эту информацию подтвердили в правительстве ФРГ, но не в Белом доме.

³ Макарычев М. NYT: Байден разрешил Украине использовать ATACMS для ударов по территории России // Российская газета. – 17 ноября 2024 г. – NYT: Байден разрешил Украине использовать ATACMS для ударов по территории РФ. – Российская газета (дата обращения: 12.12.2024).

⁴ Sarkar A.R. Zelensky says Ukraine's forces face 50,000 troops in Russia's Kursk – as Kyiv rushes to reinforce eastern front // Independent. November 11, 2024. – Zelensky says Ukraine's forces face 50,000 troops in Russia's Kursk – as Kyiv rushes to reinforce eastern front | The Independent (date of access: 24/12/2024).

⁵ Garamone J. Pentagon Says 10 K North Korean Troops in Kursk Oblast // US Department of Defense. November 4, 2024. – Pentagon Says 10 K North Korean Troops in Kursk Oblast > U.S. Department of Defense > Defense Department News (date of access: 24.12/2024).

⁶ См. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой. – ДОГОВОР О ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕМ СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПАРТНЕРСТВЕ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И КОРЕЙСКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ – Министерство иностранных дел Российской Федерации

дума, 9 ноября соответствующий законопроект подписал российский президент, 4 декабря договор вступил в силу.

17 ноября газета Le Figaro сообщила, что «Французы и британцы вслед за США разрешили Украине поразить российскую территорию своими дальнобойными ракетами SCALP / Storm Shadow»¹. Цитату из этого сообщения сегодня можно найти только на российских сайтах, указывающих, что вышеприведенный отрывок был стремительно удален из опубликованной версии статьи. Осталось лишь сообщение о том, что такое разрешение дал президент США в отношении ракет ATACMS. В любом случае, поскольку при производстве ракет SCALP / Storm Shadow² используются компоненты американского производства, Лондон и Париж могли бы санкционировать их применение для ударов вглубь России лишь с разрешения США.

19 ноября по военным объектам в Брянской и Курской областях были нанесены удары шестью ракетами ATACMS и 21 ноября – ракетами Storm Shadow и HIMARS, все атаки были отражены. 23 ноября пять ракет ATACMS атаковали позиции зенитного ракетного дивизиона С-400 северо-западнее Курска. 25 ноября восемь ракет ATACMS были направлены на аэродром Курск-Восточный. Семь из них были уничтожены, одна достигла цели³.

26 ноября пресс-секретарь Патрик Райдер официально подтвердил, что Киев получил разрешение на использование дальнобойных ракет ATACMS американского производства для ударов вглубь российской территории.

Ответную реакцию официальной Москвы было легко предсказать. Еще в сентябре 2024 г., отвечая на вопросы журналистов по окончании выступления на пленарном заседании Форума объединенных культур, Владимир Путин максимально четко обозначил диапазон возможных интерпретаций подобного рода действий западной стороны: «Речь идет не о том, чтобы разрешать украинскому режиму наносить удары по России этим оружием или не разрешать. Речь идет о том, чтобы принять решение о том, что страны НАТО напрямую участвуют в военном конфликте или нет»⁴.

Решение США, Великобритании и Франции дать отмашку Киеву на удары дальнобойными ракетами вглубь России было ожидаемо воспринято Москвой как прямое участие

¹ Coutansais-Pervinquièrre A. Joe Biden autorise l'Ukraine à frapper la Russie en profondeur avec des armes américaines // La Figaro. Publié le 17 novembre à 19 h40, mis à jour le 19 novembre à 09 h36 – Joe Biden autorise l'Ukraine à frapper la Russie en profondeur avec des armes américaines (date of access: 24.12.2024).

² Storm Shadow – малозаметная крылатая ракета, способная поражать цель на расстоянии более 250 км. SCALP – ее французский аналог. Великобритания и Франция передают такие ракеты Украине с 2023 г.

³ Лавров заявил, что Запад проигнорировал предупреждения об ответе на удары // РБК. – 27 ноября 2024 г. – Лавров заявил, что Запад проигнорировал предупреждения об ответе на удары – РБК

⁴ Ответ на вопрос представителя СМИ // Kremlin.ru. – 12 сентября 2024 г. – Ответ на вопрос представителя СМИ

стран НАТО в украинском конфликте. Изменение самой сути конфликта, переход его с регионального на глобальный уровень открыл руководству страны пространство для маневра и принятия ответных решений, исходя из восприятия создаваемых России угроз.

21 ноября Владимир Путин выступил перед страной с заявлением, обозначив, что: «В ответ на применение американского и британского дальнобойного оружия 21 ноября текущего года российские Вооруженные силы нанесли комбинированный удар по одному из объектов оборонно-промышленного комплекса Украины. В боевых условиях было проведено в том числе и испытание одной из новейших российских ракетных систем средней дальности – в данном случае с баллистической ракетой в безъядерном гиперзвуковом оснащении. Наши ракетчики назвали ее “Орешник”. Испытания прошли успешно, цель пуска достигнута»¹.

Испытание «Орешника» было призвано добавить убедительности положениям обновленной государственной политики России в области ядерного сдерживания, утвержденной 19 ноября 2024 г.

Ядерная доктрина России 2024: кардинальный поворот или преемственность стратегического мышления?

Так в чем же заключались основные новеллы обнародованной ядерной доктрины и до какой степени они соответствовали уже утвердившимся в военной практике России принципам?

С момента публикации первой публичной военной доктрины² 21 апреля 2000 г. и в последующих ее версиях (2010 г., 2014 г. и в ядерной доктрине 2020 г.) использование Россией ядерного оружия (ЯО) допускалось лишь в качестве ответной меры на ядерную агрессию против нее или ее союзников. Условием использования ЯО против агрессии с применением обычных вооружений обозначалась угроза самому существованию государства. Ядерная доктрина 2024 г. не столько расширила, сколько уточнила возможности нанесения Россией ядерного удара, при этом фундаментальный принцип использования Москвой ядерного оружия остался неизменным. Тот факт, что традиционный раздел «принципы ядерного сдерживания» более не содержит отсылки к «соблюдению международных обязательств в области контроля над вооружениями», безусловно, не означает отказа руководства страны от выпол-

¹ Россия применила «Орешник» в ответ на удары американским и британским оружием // Российская газета. 21 ноября 2024 г. – Россия применила «Орешник» в ответ на удары американским и британским оружием – Российская газета

² В отдельный документ ядерная доктрина была выделена только 2 июня 2020 г., когда Владимир Путин подписал указ об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания. См.: Указ Президента Российской Федерации от 02.06.2020 № 355 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания». – Указ Президента Российской Федерации от 02.06.2020 № 355 Официальное опубликование правовых актов

нения данных обязательств. Демонстрируется отказ от продолжения дальнейшего диалога с партнерами, поставившими перед собой цель нанесения «стратегического поражения» России. Заменой пункту о международных обязательствах становится указание на централизованное применение ядерного оружия, в том числе того, что *размещено за пределами РФ*.

В обновленной редакции доктрины впервые было дано определение «потенциального противника»: под ним понимаются «отдельные государства и военные коалиции (блоки, союзы), рассматривающие Российскую Федерацию в качестве потенциального противника и обладающие ядерным и (или) другими видами оружия массового поражения либо значительным боевым потенциалом сил общего назначения»¹. Обозначается, что сдерживание осуществляется не только в отношении государств и блоков, которые рассматривают РФ в качестве потенциального противника, но и тех стран, которые предоставляют свою территорию для подготовки и осуществления агрессии.

Согласно указу, агрессия одного из членов военной коалиции, блока или союза против России теперь рассматривается как агрессия *всей коалиции в целом*. При этом агрессия неядерного государства при поддержке ядерного оценивается как их *совместное* нападение с одинаковыми дальнейшими последствиями. Тезис, открывающий множество возможностей для политических спекуляций, однако выработанная формулировка содержательно совпадает с приводившейся в Будапештском меморандуме 1994 г. Согласно тексту Меморандума, «Российская Федерация, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Соединенные Штаты Америки подтверждают в отношении Украины свое обязательство не применять ядерное оружие против любого государства – участника Договора о нераспространении ядерного оружия, не обладающего ядерным оружием, кроме как в случае нападения на них, их территории или зависимые территории, на их вооруженные силы или их союзников таким государством, действующим вместе с государством, обладающим ядерным оружием или связанным с ним союзным соглашением»². Для России военное сотрудничество Киева с Вашингтоном и Лондоном вполне подпадает под описание «случая нападения на них... таким государством, действующим вместе с государством, обладающим ядерным оружием», и неизбежность применения ответных мер находит дополнительное подтверждение в обновленной ядерной доктрине. Как отметил научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН Дмитрий Стефанович: «снимается “ядерный иммунитет” с

¹ Указ Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 года № 991 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания». – Указ Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 года № 991 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» – Российская газета

² Международный договор Меморандум от 05 декабря 1994 года. Меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия. – б. меморандум. pdf

неядерных стран, которые могли бы напасть на Россию при поддержке ядерных стран, а также с неядерных участников «ядерных альянсов», вплоть до «нападение одного – нападение всех»¹.

Одно из наиболее активно обсуждавшихся нововведений доктрины – конкретизация условий применения ядерного оружия в контексте защиты Белоруссии. Стоит отметить, что и в предыдущей версии документа предусматривалось распространение ядерного зонтика России на страны-союзницы, однако новые «Основы» повысили статус Республики Беларусь в рамках российского ядерного сдерживания как части Союзного государства. Уникальность положения Минска определяется тем, что ответные действия сил ядерного сдерживания РФ будут реализовываться как в случае использования против Белоруссии ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения (ОМУ), так и в случае применения против нее обычного оружия².

К числу условий, определяющих возможность применения ядерного оружия, были добавлены поражение воинских формирований и объектов РФ за пределами ее территории, а также поступление достоверной информации о взлете средств воздушно-космического нападения (самолетов, крылатых ракет, беспилотных, гиперзвуковых и других летательных аппаратов) и пересечении ими российской границы³.

Отметим также, что в редакции 2024 г. были расширены основания применения Россией ядерного оружия в ответ на агрессию других государств. Речь идет уже не о нападении, которое «угрожает самому существованию государства», но об «угрозе суверенитету и территориальной целостности», причем не только России, но и Белоруссии как участника СГРБ.

Подводя промежуточные итоги, констатируем, что хотя корректировка ядерной доктрины готовилась специалистами Минобороны, МИДа и других ведомств минимум за год до нанесения по российской территории ударов ракетами американского и британского производства, она стала ответом на новый виток эскалации. Документ должен был довести до геополитических противников России информацию о возможных последствиях дальнейшего повышения ставок в украинском конфликте.

¹ Стабилизирующие «Основы»: Москва сокращает варианты для эскалации на доядерном уровне // РСМД. – 22 ноября 2024 г. – РСМД:: Стабилизирующие «Основы»: Москва сокращает варианты для эскалации на доядерном уровне (дата обращения: 12.12.2024).

² Лучина М.С. От нового статуса Белоруссии до усиления неопределенности: новое в ядерной доктрине РФ // Актуальные комментарии. ИМЭМО РАН. – 22 ноября 2024 г. – От нового статуса Белоруссии до усиления неопределенности: новое в ядерной доктрине РФ (дата обращения: 12.12.2024).

³ Путин обновил ядерную доктрину РФ. Что нужно знать // Известия. – 19 ноября 2024 г. – Ядерная доктрина РФ: что содержит, что нового, какие условия применения (дата обращения: 12.12.2024).

**Я к вам пишу – чего же боле?
Что я могу еще сказать?**

Расширение перечня оснований применения Россией ядерного оружия было призвано убедить западных оппонентов в невозможности достижения победы над нашей страной на поле боя. Но стал ли этот шаг в восприятии руководства США поводом задуматься о сужении пространства маневра на украинском треке? Если ориентироваться на факт того, что администрация Соединенных Штатов не меняла свою позицию по оказанию поддержки Украине даже после применения Россией баллистических ракет средней дальности «Орешник» – искомой цели Москва не достигла.

Факт публикации обновленной версии ядерной политики России не вызвал у администрации США ни удивления, ни паники. Но определенные усилия были направлены на снижение его значимости в представлении американского общества и союзников по НАТО. Симптоматичны в данном контексте комментарии пресс-секретаря Государственного департамента США Мэтью Миллера, пообещавшего продолжить «призывать Россию прекратить воинственную и безответственную риторику» и подчеркнувшего, что «ни Соединенные Штаты, ни НАТО не представляют никакой угрозы для России»¹.

Американские официальные лица единодушно подтвердили, что не видят оснований менять национальную политику ядерного сдерживания². С нашей точки зрения такой подход отражает: 1) понимание отсутствия принципиальных изменений в позиции России по ядерному оружию; 2) понимание возможности в любой момент произвести необходимые изменения в ядерной политике США путем издания отдельных, дополнительных директив.

В настоящее время реализация долгосрочной стратегии США в области ядерных вооружений определяется положениями Обзора ядерной политики (Nuclear Posture Review, NPR), опубликованного администрацией Джозефа Байдена в октябре 2022 г. в составе единого пакета документов Национальной стратегии обороны вместе с Обзором политики в области противоракетной обороны. Засекреченный вариант NPR был направлен Конгрессу уже в марте 2022 г., но тогда его публикацию отложили в связи с началом специальной военной операции (СВО) России на Украине.

Опираясь на одни лишь NPR, нелегко понять, в каких именно условиях США готовы прибегнуть к ядерным ударам. Последние изменения в ядерной доктрине России, напротив, конкретизируют основания применения ЯО, расширяя их до получения «достоверной ин-

¹ В Госдепе США прокомментировали изменение ядерной доктрины РФ // Известия. – 19 ноября 2024 г. – В Госдепе США прокомментировали изменение ядерной доктрины РФ | Новости мира | Известия | 19.11.2024 (дата обращения: 12.12.2024).

² США не намерены вносить изменения в свою ядерную доктрину // Интерфакс. – 21 ноября 2024 г. – США не намерены вносить изменения в свою ядерную доктрину (дата обращения: 12.12.2024).

формации о массированном старте средств воздушно-космического нападения и пересечении ими нашей государственной границы»¹. Раньше угроза ограничивалась баллистическими ракетами.

Логика распространения «ядерного зонтика» на союзников присутствует и в российской, и в американской доктринах. В NPR традиционно перечисляют всех членов НАТО, а также союзников вне Альянса (Австралия, Япония, Южная Корея и т.д.). В российской доктрине, в соответствии с последними изменениями, в качестве приоритетного союзника выделена Белоруссия.

Традиционным для американских NPR является прямое указание на противников, ядерные потенциалы которых следует сдерживать. В NPR 2022 г. ключевыми были названы Китай и Россия (именно в такой последовательности), противниками второго плана – Иран и Северная Корея. Подчеркивая значимость «китайской угрозы», авторы NPR высказывают предположение относительно намерения КНР «обладать по меньшей мере 1000 доставляемых боеголовок к концу десятилетия». Более разнообразный ядерный арсенал «может предоставить КНР новые возможности», а во время кризиса или конфликта привести к «военным провокациям против союзников и партнеров США в регионе»². В отношении нашей страны утверждается, что: «Россия продолжает делать упор на ядерное оружие в своей стратегии, модернизировать и расширять свои ядерные силы, а также размахивать ядерным оружием в поддержку своей ревизионистской политики безопасности. Ее современный ядерный арсенал, который, как ожидается, будет расти и дальше, представляет собой непреходящую экзистенциальную угрозу для Соединенных Штатов, наших союзников и партнеров»³.

Отметим, что роли «непреходящей экзистенциальной угрозы» Россия удостоилась не сразу. В «Обзоре ядерной политики» (NPR) администрации Клинтона Соединенные Штаты предстали в качестве страны, выигравшей холодную войну. Соответственно, Россия была вычеркнута из списка угроз. Таковыми были объявлены ядерный терроризм и распространение ядерного оружия⁴. При администрации Дж. Буша угрозой была не Россия, а так называемые государства-изгои: Северная Корея, Иран, Ирак, Ливия и Сирия, а также распростране-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 года № 991 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания». – Указ Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 года № 991 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» – Российская газета

² 2022 Nuclear Posture Review // US Department of Defense. – P. 4. – 2022 National Defense Strategy, Nuclear Posture Review, and Missile Defense Review (date of access: 24.12.2024).

³ Там же.

⁴ The 1994 Nuclear Posture Review // The Nuclear Information Project. – the nuclear information project: 1994 Nuclear Posture Review (date of access: 24/12/2024).

ние оружия массового уничтожения и средств его доставки¹. Администрация Б. Обамы также считала, что наибольшую угрозу представляет не Россия, а ядерный терроризм и распространение ядерного оружия². И лишь в NPR администрации Д. Трампа указывалось, что Россия, вернувшаяся к формату «соперничества великих держав», представляет собой самую большую угрозу³.

На сегодняшний день РФ и КНР определены в качестве главного фактора в планах применения и развития ядерной триады Америки: «к 2030-м годам Соединенные Штаты впервые в своей истории столкнутся с двумя крупными ядерными державами в качестве стратегических конкурентов и потенциальных противников. Это создаст новые акценты на стабильности и новые вызовы в области сдерживания, гарантий, контроля над вооружениями и снижения рисков»⁴.

Российская доктрина не столь конъюнктурна, противник не называется напрямую, а конкретизируется как инициатор неких недопустимых действий, которые неизбежно повлекут за собой жесткую ответную реакцию. Тем не менее за новыми ядерными «Основами» максимально четко проступают конкретные адресаты. Особенно рельефно это читается в п. 11 «Агрессия против Российской Федерации и (или) ее союзников со стороны любого неядерного государства с участием или при поддержке ядерного государства рассматривается как их совместное нападение»⁵.

«Обзор ядерной политики» 2022 г. закрепил курс на обновление всех стратегических и тактических ядерных сил, средств их доставки и т.д. Со временем должны быть полностью заменены все компоненты ядерной триады (новая МБР Sentinel, атомные ракетноносцы типа Columbia, модернизированный тяжелый бомбардировщик B-52 H+новый бомбардировщик B-21).

Также документ отражает тенденцию на углубление интеграции ядерного и обычного потенциала в планировании стратегического сдерживания. В нем подчеркивается связь между обычными и ядерными элементами коллективного сдерживания и обороны и указывается на необходимость применения «комплексного подхода к сдерживанию, который направлен на использование ядерного и неядерного потенциала для адаптации сдерживания к конкрет-

¹ Excerpts of the Nuclear Posture Review. January 8, 2002. –<http://www.globalsecurity.org/wmd/library/policy/dod/npr.htm> (date of access: 24.12/2002).

² 2010 Nuclear Posture Review. Microsoft Word – NPR as of 6 APR10_730. docx (date of access: 24.12. 2024).

³ 2018 Nuclear Posture Review. 2018 Nuclear Posture Review Final Report (date of access: 24.12.2024).

⁴ 2022 Nuclear Posture Review // US Department of Defense. – P. 4. – 2022 National Defense Strategy, Nuclear Posture Review, and Missile Defense Review

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 года № 991 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания». – Указ Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 года № 991 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» – Российская газета (дата обращения: 12.12.2024).

ным обстоятельствам»¹. Но как отмечают исследователи Федерации американских ученых Ханс Кристенсен и Мэтт Корда, высоко оценившие акцент на «интегрированном сдерживании» в NPR², «важной проблемой более глубокой интеграции в стратегическом сдерживании является обеспечение того, чтобы она не размывала границу между ядерной и конвенциональной войной и не способствовала непреднамеренному возрастанию «ядерных тревог» в ходе операций с применением обычных вооружений»³.

Завершая краткий обзор NPR 2022 г., мы можем добавить, что ядерная стратегия Белого дома позиционируется как направленная на поддержание очень высокой планки для применения ядерного оружия. Что не мешает авторам NPR включать в документ такие положения, как: «Ядерное оружие требуется для сдерживания не только ядерного нападения, но также и для узкого спектра других высокоэффективных атак стратегического уровня»⁴. Фактически тем самым Соединенные Штаты обосновывают условия реализации ими права нанесения ядерного удара в ответ на агрессию, совершенную исключительно с использованием обычных вооружений. В данном контексте попытки осудить Россию за использование аналогичного подхода вынуждают вспомнить известную поговорку о любителях кидаться камнями, проживая в стеклянном доме.

Как в американской, так и в российской доктринах достаточно положений, допускающих ситуативное, подчиненное политической конъюнктуре толкование. С учетом этого обстоятельства, а также в условиях нарастания геополитической турбулентности, экспертному сообществу, decision-makers следует особенно аккуратно выбирать формулировки, с тем чтобы декларативные в своей основе документы не превратились вдруг в инструкции по применению ядерного оружия. Сегодня как никогда актуально звучит пророческое предупреждение выдающегося русского, советского мыслителя Григория Померанца: «Стиль полемики важнее предмета полемики. Предметы меняются, а стиль создает цивилизацию».

Помехи на линии связи...

«Доктрина сдерживания адресована вероятным противникам. Она нужна для того, чтобы удержать их от рискованных шагов, а не чтобы удивить их в случае войны», – макси-

¹ 2022 Nuclear Posture Review // US Department of Defense. – P. 10. – 2022 National Defense Strategy, Nuclear Posture Review, and Missile Defense Review (date of access: 24.12.2024).

² См. Kristensen H., Korda M. The 2022 Nuclear Posture Review: Arms Control subdued by military rivalry // Federation of American Scientists. October 27, 2022: «интеграция обычных вооружений может также способствовать снижению зависимости от ядерного оружия в ответ на неядерные стратегические нападения и, следовательно, может проложить путь к политике единственной цели в будущем».

³ Kristensen H., Korda M. The 2022 Nuclear Posture Review: Arms Control subdued by military rivalry // Federation of American Scientists. October 27, 2022.

⁴ 2022 Nuclear Posture Review // US Department of Defense. – P. 8. – 2022 National Defense Strategy, Nuclear Posture Review, and Missile Defense Review (date of access: 24.12.2024).

мально четко резюмировал руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, академик РАН Алексей Арбатов¹. Снижение ограничений и ядерного порога, при пересечении которого принимается решение об использовании ядерного оружия, было призвано не столько повысить адаптивность ядерного сдерживания РФ к изменениям военно-политической обстановки в европейском регионе, сколько направить странам Запада недвусмысленный сигнал относительно готовности России максимально жестко отреагировать в случае нарушения обозначенных «красных линий». Предполагалось, что продемонстрированная Владимиром Путиным решимость твердо отстаивать интересы страны заметно сузит пространство маневра, доступное Вашингтону и Брюсселю. Помимо всего прочего, сдерживающим фактором для руководства США и ЕС должно было стать понимание, что в случае вынужденного задействования доктрины запустится неконтролируемый процесс пересмотра ядерной политики других государств мира. Последнее в еще большей степени дестабилизирует обстановку и подорвет позиции Запада.

С точки зрения медийного освещения чрезвычайно удачно был выбран момент, чтобы анонсировать грядущие изменения ядерной доктрины. Об обновлении основ государственной политики в этой области Владимир Путин сообщил 25 сентября 2024 г. в ходе постоянного совещания по ядерному сдерживанию в рамках Совбеза РФ, подбросив новую тему для обсуждения лидерам государств, собравшимся в это время на недели высокого уровня Генассамблеи (ГА) ООН.

Сама публикация обновленной ядерной доктрины вызвала негативную реакцию рынка. Произошли падение акций и рост стоимости мировых облигаций. Доходность 10-летних казначейских облигаций США снизилась на четыре базисных пункта, достигнув отметки в 4,37%. Еще более остро на новости отреагировали европейские рынки, значение STOXX 600 упало на 1%, а курс евро – на 0,5%. Российский рубль упал ниже отметки 100 рублей за доллар². Инвесторы активно начали приобретать так называемые защитные активы, включая золото, швейцарский франк и японскую йену.

Тем не менее паническая атака достаточно быстро отпустила мировой рынок, а властные элиты и экспертные круги Запада недостаточно серьезно отнеслись к заявлениям российского руководства.

«Обороноспособность страны, – повторял автор концепции ядерной эскалации Герман Кан, – отчасти заключается в правдоподобности ее угрозы применить ядерную силу в каче-

¹ Арбатов А. Ядерные доктрины пишутся для противника // РСМД. – 25 октября 2024 г. – РСМД: Ядерные доктрины пишутся для противника (дата обращения: 12.12.2024).

² Орлов Н. Индексы на мировых биржах упали на фоне обновления российской ядерной доктрины // RuNews24. – 19 ноября 2024 г. – <https://runews24.ru/economy/19/11/2024/indeksyi-na-mirovyix-birzhax-upali-na-fone-obnovleniya-rossijskoj-yadernoj-doktrinyi> (дата обращения: 12.12.2024).

стве последнего средства». Из Москвы за последнее время доносилось так много тезисов о недопустимости перехода за «красные линии» («линии», которые в дальнейшем неоднократно сдвигались), что на Западе перестали воспринимать значимость и значение слов. К сожалению, потенциал воздействия российской стороны на оппонентов с применением инструментов ядерного сдерживания значительно снижает трактовка ими решений Москвы в терминах «ядерного шантажа». Причем шантажа, не подкрепленного готовностью обрушить всю систему в случае невыполнения выдвигаемых требований.

Восприятие возможностей или намерений государства создает собственные реалии. И по мере того, как мы как мы в тандеме с представителями Запада неумолимо движемся по лестнице эскалации вверх, обеим сторонам конфликта при планировании своих действий стоило бы задаться вопросом о нюансах восприятия противником сложившейся ситуации. Расхождения между сторонниками теории спирали и сторонниками теории утешения, в одинаковой степени обеспокоенными рисками когнитивных искажений и ориентированными на максимально четкое прояснение намерений своих контрагентов, – носят принципиальный характер. «Сторонники утешения опасаются, что агрессоры недооценивают решимость защитников, в то время как теоретики спирали полагают, что каждая сторона переоценивает враждебность другой»¹. Если спиральная модель развивает аргумент Герберта Баттерфилда о «дилемме безопасности» как первопричине всех войн, то модель «сдерживания» строится на выводе Джона Герца о том, что «дилемма безопасности» не объясняет все конфликты.

Складывается впечатление, что в последние годы российские эксперты и политики, ориентируясь на воспоминания о возможности продуктивной совместной работы с Западом даже в условиях холодной войны, вдохновляются рациональностью теории спирали и прилагают максимум усилий, чтобы не дать втянуть свою страну в катастрофический по тяжести последствий ядерный конфликт. Однако ответом на эту сдержанность становится все более громкое звучание в публичном пространстве западных стран голосов тех, кто интерпретирует происходящее в терминах Chicken Game. Цель игры – не нажать на тормоза первым и не превратиться в «цыпленка». Вопрос – удастся ли нам всем при этом не свалиться с обрыва в ядерный сценарий – остается дискуссионным.

¹ Джервис Р. Восприятие и неверное восприятие в международной политике / пер. с англ. Т. Ованнисяна – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2022. – С. 230.

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ ПОСЛЕ 7 ОКТЯБРЯ 2023 г. И ИНТЕРЕСЫ «ТЯЖЕЛОВЕСОВ» БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Василий Останин-Головня,

научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН

Аннотация. Материал посвящен анализу палестино-израильского конфликта после событий 7 октября 2023 г. и его влиянию на дестабилизацию Ближнего Востока. Рассматриваются расширение географии конфликта, роль Ирана и Турции, а также их взаимодействие с другими региональными акторами. Особое внимание уделяется развитию конфликта в контексте гибридной войны между Израилем и Ираном, а также интересам «тяжеловесов» Ближнего Востока, включая Саудовскую Аравию. В заключение подчеркивается сложность и многослойность текущего кризиса, требующего комплексного подхода к урегулированию в контексте ситуации в Сирии после свержения Башара Асада в декабре 2024 г.

Ключевые слова: Палестино-израильский конфликт; Ближний Восток; Саудовская Аравия; Турция; Иран; Израиль; конфликт в Газе; ХАМАС; «Хизбалла»; Сирия.

Keywords: Palestinian-Israeli conflict; Middle East; Saudi Arabia; Turkey; Iran; Israel; Gaza conflict; Hamas; Hezbollah; Syria.

После событий 7 октября 2023 г. палестино-израильский конфликт, будучи одной из самых сложных проблем Ближнего Востока, вывел процесс дестабилизации региона на очередной виток развития. Интенсивность боевых действий в секторе Газа, несмотря на многочисленные попытки урегулирования ситуации путем переговорного процесса, только росла, и со временем география конфликта расширилась, выйдя за пределы территорий Израиля и Палестины.

1 октября 2024 г. ЦАХАЛ вторгся в южные районы Ливана в рамках операции «Стрелы севера», официальной целью которой было заявление «создание условий для возвращения эвакуированных жителей северной части Израиля в свои дома и обеспечение их безопасности»¹, однако под этим предлогом израильское командование приступило к созданию буферной зоны глубиной от 3 до 5 км для контроля над приграничной зоной и предотвращения атак «Хизбаллы». Наземной части операции предшествовала беспрецедентная атака на электронные устройства связи членов шиитского движения 17–18 сентября 2024 г., получившая в СМИ название «Мрачный сигнал»², а действия ЦАХАЛ на ливанской территории сопровож-

¹ Hussein M. Mapping 11 months of Israel-Lebanon cross-border attacks // Al Jazeera. – 2024. – 11 September. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2024/9/11/mapping-11-months-if-israel-lebanon-cross-border-attacks> (date of access: 22.12.2024).

² Doran M. The Brilliance of “Operation Grim Beeper” // Hudson Institute. – 2024. – 20 September. – URL: <https://www.hudson.org/technology/brilliance-operation-grim-beeper-lebanon-pager-explosion-israel-iran-michael-doran> (date of access: 22.12.2024).

дались авиаударами по объектам в Сирии, которые, по словам израильского командования, были связаны с проиранскими силами и КСИР.

Крайне сомнительно, что руководство ХАМАС в октябре 2023 г. ставило перед собой задачу одержать военную победу над Израилем. Скорее всего, основная задача «Потопа аль-Аксы» заключалась в создании международного резонанса, выведении палестино-израильского конфликта из локализованного и «полузамороженного» состояния на региональный уровень с участием ведущих акторов Ближнего Востока, среди которых сегодня, помимо Израиля, выделяются такие «тяжеловесы», как Иран, Турция и Саудовская Аравия.

Израиль vs Иран

Палестино-израильский конфликт после 2023 г. имеет несколько измерений, одно из которых можно охарактеризовать, в зависимости от подхода, как гибридную, асимметричную или опосредованную войну между Израилем и Ираном. Данное противостояние имеет давнюю историю. Ещё до Исламской революции 1979 г. иранские исламисты оказывали материальную поддержку палестинцам¹, а после нее Тегеран начал проводить агрессивную региональную политику, которая, помимо прочего, предусматривала создание прокси-сил на основе шиитских политических групп и формирований. В частности, так в 1982 г. возникла ливанская «Хизбалла», ставшая одним из самых успешных проектов ИРИ в рамках реализации доктрины «экспорта Исламской революции» 1979–1989 гг.²

Для Израиля основным противником в рамках операции «Стрелы севера» является именно «Хизбалла», а не Ливан как государство, что делает некорректным использование термина «ливано-израильская война», так как речь идет об асимметричном вооруженном конфликте между государственным актором (Израиль) и военизированным политическим движением («Хизбалла»). При этом необходимо отметить, что подобный подход не уменьшает масштаб проблемы, а, наоборот, увеличивает его: Ливан стал еще одной площадкой региональной конфронтации Израиля и Ирана.

Иран долгое время стремился преодолеть геополитическую изолированность и реализовать проект так называемого «шиитского полумесяца». Наиболее емко представления ряда арабских лидеров о региональной политике Ирана передает придуманный в 2004 г. Абдаллой II термин «шиитский полумесяц», под которым король Иордании имел в виду попадание в зависимость от Исламской Республики арабских стран со значительной долей шиитского на-

¹ Parsi T. Treacherous Alliance: The Secret Dealings of Israel, Iran, and the United States. – Yale University Press, 2008. – P. 216.

² Останин-Головня В.Д., Баскаков И.Д. Ирано-саудовские отношения после 1979 г.: интересы в зоне Персидского залива // Современные востоковедческие исследования. – 2024. – Т. 6, № 1. – С. 84. – DOI 10.24412/2686-9675-1-2024-82-93.

селения – Ливана, Сирии, Ирака и Бахрейна, получив тем самым транспортно-логистический коридор к Средиземному морю¹. В 2016 г. один из приближенных наследного принца Саудовской Аравии в интервью для The Economist заявил, что из-за укрепления позиций Ирана в регионе после волны массовых протестов начала 2010-х годов Арабский Восток «столкнулся не просто с шиитским полумесяцем, а с шиитским полнолунием»².

Одним из элементов практического воплощения проекта «шиитского полумесяца» можно считать так называемую «Ось сопротивления» – неформальный альянс поддерживаемых Ираном военно-политических организаций, движений и партий, выступающих против Израиля и США³. Среди основных участников «Оси» на текущем этапе можно выделить «Хизбаллу» в Ливане, повстанцев-хуситов из «Ансар Аллах» в Йемене, а также ХАМАС (в связке с НФОП и «Палестинским исламским джихадом») в Палестине. До декабря 2024 г. к данной категории также относилась Сирийская Арабская Республика, но после свержения режима Башара Асада радикальными исламистами при поддержке протурецких сил сохранение присутствия Ирана в Сирии находится под большим вопросом.

Израиль, в свою очередь, стремится не просто к установлению полного контроля над палестинскими территориями и обеспечению безопасности своих границ. Региональная политика Израиля на Ближнем Востоке сосредоточена на противодействии любым – действительным и потенциальным – угрозам, откуда бы они ни исходили. Наиболее принципиальным вопросом для еврейского государства является присутствие недружественных сил на территории соседних стран. Например, как это было с КСИР и «Хизбаллой» в Сирии. Также израильское руководство рассматривает Иран как «экзистенциальную угрозу» из-за его непримиримой позиции по палестинской проблеме и развития ядерной программы.

После подписания Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) в июле 2015 г. Израиль перешел к активным и агрессивным действиям против Ирана, вопреки стремлению администрации Барака Обамы проводить политику «разрядки» на Ближнем Востоке. Израильские спецслужбы предприняли ряд тайных атак и спецопераций, целью которых был подрыв ядерной программы ИРИ⁴, а среди самых ярких эпизодов здесь можно выделить похищение архива «Проекта Амад» в 2018 г. и убийство Мохсена Фахризاده в

¹ The Interview with King Abdullah II of Jordan on the current state of U.S.-Arab relations // NBC News. – 2004. – 8 December. – URL: <https://www.nbcnews.com/id/wbna6679774> (date of access: 22.12.2024).

² Young prince in a hurry // The Economist. – 2016. – 9 January. – URL: <https://www.economist.com/briefing/2016/01/09/young-prince-in-a-hurry> (date of access: 22.12.2024).

³ Al-Kassab F. What is the 'axis of resistance' of Iran-backed groups in the Middle East? // NPR. – 2023. – 26 October. – URL: <https://www.npr.org/2023/10/26/1208456496/iran-hamas-axis-of-resistance-hezbollah-israel> (date of access: 22.12.2024).

⁴ Bergman R. & Sanger D.E. How Israel, in Dark of Night, Torched Its Way to Iran's Nuclear Secrets // The New York Times. – 2018. – 15 July. – URL: <https://www.nytimes.com/2018/07/15/us/politics/iran-israel-mossad-nuclear.html> (date of access: 22.12.2024).

2020 г. При этом действия на территории Ирана сопровождались регулярными авиаударами ВВС ЦАХАЛ по объектам, связанным с КСИР и иранскими прокси, в Сирии, Ливане и Ираке. Позже список таких стран дополнился Йеменом, где повстанцы-хуситы осенью 2023 г. начали препятствовать судоходству в Красном море и предпринимать попытки атаковать Израиль БПЛА и ракетами. В ответ ВВС ЦАХАЛ начали наносить массированные авиаудары по Сане, Ходейде, Рас-Исе и другим городам.

Пиком эскалации конфликта между Израилем и Ираном стали взаимные массированные воздушные удары. 1 апреля 2024 г. ВВС ЦАХАЛ атаковали посольство в ИРИ, в результате чего погибло 16 сотрудников, среди которых, по некоторым данным, были высокопоставленные офицеры КСИР. В ответ на это в ночь с 13 на 14 апреля 2024 г. Тегеран, задействовав ливанскую «Хизбаллу» и ряд иракских шиитских группировок, запустил по территории Израиля несколько сотен БПЛА и десятки баллистических ракет¹. 19 апреля 2024 г. Израиль атаковал несколько целей недалеко от международного аэропорта Исфахана и ядерный объект в Натанзе. Аналогичная ситуация произошла осенью 2024 г. после ликвидации главы политбюро ХАМАС Исмаила Хании, который находился с официальным визитом в Тегеране². Иран нанес «удар возмездия» 1 октября, а Израиль – 26 октября.

Положение дел значительно ухудшилось на фоне израильского вторжения в Ливан и продолжения операции «Страж процветания» международной коалиции во главе с США против хуситов в Йемене. То, что начиналось как вооруженное столкновение между ХАМАС и Израилем в секторе Газа, охватило практически весь Ближний Восток. 21 ноября 2024 г. власти Ирака, попавшего под «перекрестный огонь» между Израилем и Ираном, запросили у Лиги арабских государств проведение чрезвычайной сессии в связи с «серьезными угрозами безопасности» со стороны Тель-Авива³. Однако ведущие арабские страны региона с самого начала конфликта в Газе заняли крайне умеренную и взвешенную позицию.

Саудовская Аравия vs Турция

В конце 2015 г. в ходе официального визита Реджепа Тайипа Эрдогана в Эр-Рияд было объявлено создание «стратегического альянса» между Саудовской Аравией и Турцией⁴. На

¹ Bando E. Iran launches drone attack against Israel // Politico. – 2024. – 13 April. – URL: <https://www.politico.com/news/2024/04/13/iran-israel-attacks-00152116> (date of access: 22.12.2024).

² Sewell A. Hamas' top political leader is killed in Iran in strike that risks triggering all-out regional war // Associated Press. – 2024. – 1 August. – URL: <https://apnews.com/article/iran-hamas-israel-30968a7acb31cd8b259de9650014b779> (date of access: 22.12.2024).

³ Iraq warns of “serious” security threats from Israel: Will firmly respond to aggression // Shafaq. – 2024. – 22 November. – URL: <https://shafaq.com/en/Iraq/Iraq-warns-of-serious-security-threats-from-Israel-Will-firmly-respond-to-aggression> (date of access: 22.12.2024).

⁴ Эль-Лаббад М. Крах турецко-саудовского стратегического альянса // «Валдай». – 2016. – 29 марта. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/krakh-turetsko-saudovskogo-alyansa/> (date of access: 22.12.2024).

Западе некоторые политики рассчитывали, что союз крупнейшей арабской монархии и единственного мусульманского государства, состоящего в НАТО, станет своего рода противовесом влиянию Ирана на Ближнем Востоке и стержнем будущего «суннитского блока», а также будет способствовать скорейшему падению режима Башара Асада в Сирии. Однако турецко-саудовский «стратегический альянс» так и не стал новой реальностью регионального баланса сил по целому ряду причин, начиная от вмешательства России в сирийский конфликт до принципиальных расхождений между Анкарой и Эр-Риядом по вопросам будущего устройства ближневосточной системы безопасности¹.

Турция ведет проактивную внешнюю политику на Ближнем Востоке, используя в ней инструменты как «мягкой», так и «жесткой» силы. Основной целью здесь можно назвать если не освоение постосманского пространства, то уж точно окончательное решение курдского вопроса и создание физического пояса безопасности вдоль своих границ, чем обуславливается постоянное военное присутствие Турецкой Республики в северных регионах Сирии и Ирака, а также в Закавказье. Не менее важным аспектом современного регионального курса Анкары является идеологическое воздействие на соседние страны с целью укрепления своего имиджа среди местного населения и на мировой арене.

Начало очередного конфликта в Газе осенью 2023 г. дало Р.Т. Эрдогану возможность заявить о себе как об одном из самых рьяных сторонников независимости Палестины. К концу 2023 г. дело дошло до обмена взаимными обвинениями (Эрдоган сравнил израильского премьер-министра Беньямина Нетаньяху с Адольфом Гитлером², а Б. Нетаньяху, в свою очередь, заявил о геноциде курдов по инициативе турецкого лидера³) и понижения уровня дипломатических отношений. Однако, несмотря на жесткую риторику обеих сторон, прямое столкновение между Израилем и Турцией из-за конфликта в Газе крайне маловероятно. Как минимум страны сохраняли взаимодействие в торгово-экономической сфере до мая 2024 г., а как максимум их общий союзник в лице США вряд ли допустит подобный сценарий.

Тем не менее у позиции Турции по палестино-израильскому конфликту имеется еще одна подоплека, связанная с поддержкой эрдогановской Партией справедливости и развития

¹ Аватков В.А., Каширина Т.В., Останин-Головня В.Д. Эволюция политики региональной безопасности Саудовской Аравии и Турции: сходства и различия // Новая и новейшая история. – 2022. – Т. 66, № 6. – С. 167–179. – DOI: 10.31857/S013038640020806-4

² Turkey's Erdogan says Israeli PM Netanyahu no different from Hitler // Reuters. – 2023. – 27 December. – URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/turkeys-erdogan-says-israeli-pm-netanyahu-no-different-hitler-2023-12-27/> (date of access: 22.12.2024).

³ King R. Netanyahu slams Turkish President Erdogan for Kurdish 'genocide' after Hitler comparison // New York Post. – 2023. – 27 December. – URL: <https://nypost.com/2023/12/27/news/netanyahu-accuses-erdogan-of-kurdish-genocide-after-hitler-comp/> (date of access: 22.12.2024).

(ПСР) «Братьев-мусульман»¹ и аффилированных с ними исламистских организаций. ХАМАС также имеет с «Братями» давние прочные связи, и отказ от поддержки палестинских исламистов в условиях нынешнего конфликта означал бы для Турции значительную потерю очков репутации среди своих сторонников в регионе. К тому же поддержка «Братьев-мусульман», ХАМАС и «Хайят Тахрир аш-Шам»² является одним из столпов отношений между Анкарой и Дохой, образующих крайне влиятельную в медиапространстве Ближнего Востока ось влияния, что вызывает значительное недовольство у арабских монархий Залива, особенно у Саудовской Аравии и ОАЭ.

Саудовская Аравия в своей региональной политике при правлении короля Салмана, взошедшего на престол в 2015 г., прошла два этапа. В период возвышения Мухаммада ибн Салмана – наследного принца и фактического правителя королевства – внешнеполитический курс Эр-Рияда отличался принципиальностью и жесткостью. В 2015–2018 гг. резко обострились противоречия между КСА и Ираном, что отразилось на практике во вступлении Саудовской Аравии в войну против хуситов в Йемене и непримиримой позиции по Сирии.

Собственно, вопрос об уходе Башара Асада в 2015–2016 гг. способствовал сближению Анкары и Эр-Рияда, однако Турция преследовала цели по ликвидации курдской угрозы и установлению территориального контроля над северными районами Сирии, в то время как Саудовская Аравия стремилась лишь к ослаблению позиций Ирана. Именно поэтому Мухаммад ибн Салман позже согласился на восстановление членства САР в Лиге арабских государств, благодаря чему 18 мая 2023 г. Асад совершил официальный визит в королевство, где был радушно встречен принимающей стороной на полях 32-го саммита организации³.

При этом наследный принц не раз публично критиковал Эрдогана за экспансионистскую «неоосманскую» политику. Летом 2017 г., когда Саудовская Аравия и ОАЭ инициировали дипломатическую блокаду Катара под предлогом поддержки его властями международного терроризма и одобрения политики Ирана, Анкара выступила на стороне Дохи, что сильно ударило по турецко-саудовским отношениям. Весной 2018 г. Мухаммад ибн Салман даже назвал Турцию частью «треугольника зла», к которому также относятся Иран и «Братья-мусульмане»⁴. Однако своего пика противоречия между КСА и ТР достигли после убийства одиозного журналиста Джамалия Хашукджи в здании генконсульства королевства в

¹ Движение запрещено на территории Российской Федерации.

² Организация признана террористической на территории Российской Федерации.

³ Асад прибыл в Джидду для участия в саммите ЛАГ // РИА Новости. – 2023. – 18 мая. – URL: <https://ria.ru/20230518/asad-1872744863.html> (дата обращения: 22.12.2024).

⁴ Iran dismisses Saudi talk of 'triangle of evil' as 'childish' // Al-Monitor. – 2018. – 8 March. – URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2018/03/iran-mbs-egypt-visit-triangle-evil-salman-reaction-turkey.html> (date of access: 22.12.2024).

Стамбуле 2 октября 2018 г. Именно турецкая разведка под началом Хакана Фидана выдвинула версию о причастности саудовских властей к инциденту, и именно турецкие СМИ первыми стали указывать на Мухаммада ибн Салмана как на заказчика, хотя никому, кроме Аньес Калламар – французской правозащитницы, бывшей спецдокладчиком ООН по вопросам о внесудебных казнях, а ныне занимающей должность генсека Amnesty International, турки с уликами ознакомиться так и не позволили¹.

Так или иначе, то международное давление, с которым Саудовская Аравия столкнулась после убийства Дж. Хашукджи, вынудило Мухаммада ибн Салмана отказаться от прежнего жесткого курса в пользу демонстративно умеренной политики. Одним из ключевых факторов стала заморозка части оборонного контракта на рекордную сумму в \$460 млрд, из которых \$110 млрд были выплачены сразу, а \$350 млрд должны были реализоваться до 2027 г.² Самым решительным шагом на пути демонстративной умеренности стала нормализация отношений с основным региональным соперником КСА в лице Ирана в 2023 г. Также новый курс Эр-Рияда в сочетании со стремлением сохранить если не союзнические, то как минимум партнерские отношения с США объясняет крайне взвешенную позицию по конфликту в Газе и вторжению Израиля в Ливан. Здесь Саудовская Аравия выступает исключительно за политическое урегулирование, хотя и настаивает на неприемлемых для Израиля условиях – признании независимости Палестины и возвращении к границам 1967 г.

* * *

Палестино-израильский конфликт после событий 7 октября 2023 г. привел к дальнейшей дестабилизации Ближнего Востока. Конфликт, начавшийся как столкновение между ХАМАС и Израилем, быстро распространился на другие регионы, включая Ливан и Сирию, и приобрел черты гибридной войны между Израилем и Ираном.

Иран, стремящийся преодолеть геополитическую изоляцию, активно поддерживает различные шиитские движения и политические группы, включая «Хизбаллу» и ХАМАС, и стремится сохранить «Ось сопротивления», которая сильно ослабла из-за действий Израиля. Текущая стратегия Ирана и агрессивная политика Израиля приводят к усилению региональных противоречий и создают дополнительные угрозы для стабильности на Ближнем Востоке. Турецко-саудовские отношения также оказывают значительное влияние на развитие конфликта. Первоначальное сотрудничество между двумя странами сменилось жесткой конкуренцией и разногласиями, особенно после убийства Джамала Хашукджи и дипломатической

¹ Hope B. & Scheck J. Blood and Oil: Mohammed bin Salman's Ruthless Quest for Global Power. – New York: Hachette Books, 2020. – P. 275–276.

² David, Javier E. US-Saudi Arabia seal weapons deal worth nearly \$110 billion immediately, \$350 billion over 10 years // CNBC. – 2017. – 22 May. – URL: <https://www.cnbc.com/2017/05/20/us-saudi-arabia-seal-weapons-deal-worth-nearly-110-billion-as-trump-begins-visit.html> (date of access: 22.12.2024).

блокады Катара. Это усилило напряженность в регионе, поставив под угрозу стабильность зоны Залива и осложнило поиск мирных решений.

Таким образом, палестино-израильский конфликт после 7 октября 2023 г. превратился в сложный и многослойный региональный кризис, затрагивающий интересы многих крупных игроков международной арены как на Ближнем Востоке, так и за его пределами. И если конфликт в Газе стал катализатором очередного витка дестабилизации региона, то падение режима Башара Асада в декабре 2024 г. является тревожным сигналом о выходе кризиса на следующий уровень как по его географическому охвату, так и по числу вовлеченных сторон.

На символическом уровне Сирию можно охарактеризовать как «перекресток» интересов региональных «тяжеловесов» Ближнего Востока. Турция уже установила прямые контакты с новым правительством и стремится взять под контроль северные районы страны, в то время как Израиль, вопреки всем международным соглашениям, занял неоккупированную часть Голанских высот. Иран, в свою очередь, лишился сирийского звена «шиитского полу-месяца» и «Оси сопротивления», а Саудовская Аравия, будучи одним из самых влиятельных арабских государств, стремится не допустить расползания терроризма и расширения географии вооруженных конфликтов у своих границ.

Конечно, прогнозировать дальнейшее развитие событий на краткосрочную перспективу на данном этапе практически невозможно. Однако с учетом интересов региональных «тяжеловесов» и сложной конфигурации взаимозависимых конфликтов вокруг Палестины, Ливана, Йемена, а теперь еще и Сирии, становится понятно, что решение проблемы должно носить комплексный характер в том смысле, что урегулирование ситуации в одной части региона невозможно без урегулирования в другой, так как каждый отдельный «очаг напряженности» напрямую связан с прочими «горячими точками» через стремления, интересы и амбиции заинтересованных сторон.

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: СОБЫТИЯ, ОЦЕНКИ, ПРОГНОЗЫ

Выпуск 75 (91)

Бюллетень публикуется Отделом Европы и Америки ИНИОН РАН с целью способствовать развитию конструктивного экспертного диалога по проблемам безопасности в Евро-Атлантическом регионе.

Мнения авторов, высказанные на страницах бюллетеня, отражают их личную точку зрения и не обязательно совпадают с позицией ИНИОН РАН.

www адрес:

http://www.inion.ru/index.php?page_id=487

всего выпусков: 79 (на конец 2021)

Корректор – Л.Н. Казиминова

Компьютерная верстка
и техническое редактирование –
В.Б. Сумерова

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел. : (925) 517-36-91
e-mail: izdat@inion.ru

Подписано на выход в свет – 22/1 – 2025 г.

Формат 60×90/8

Уч.-изд.л. 3,6